

АНДРЕЙ ВОРОНИН
МАКСИМ ГАРИН

КОМБАТ

ОЛИМПИЙСКИЙ ХАРАКТЕР

Комбат

Андрей Воронин

Комбат. Олимпийский характер

«ХАРВЕСТ»

2011

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Комбат. Олимпийский характер / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2011 — (Комбат)

ISBN 978-985-16-9094-3

Бывший командир десантно-штурмового батальона Борис Рублев принимает активное участие в расследовании преступления, связанного со случаями отравления москвичей паленой водкой. Кто производит эту водку? Как она появилась в фирменном московском магазине? Следы этого преступления ведут в Сочи, куда и направляется Комбат и молодая московская журналистка, которая ведет свое журналистское расследование. Преодолимый Сочи... Здесь строятся олимпийские объекты. Сюда ринулись многие бизнесмены из столицы. Здесь крутятся огромные деньги. И здесь совершаются страшные преступления. Эти преступления связаны не только с местной мафией – за многими из них стоят чиновники самого высокого ранга.

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-16-9094-3

© Воронин А. Н., 2011
© ХАРВЕСТ, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	37
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Воронин
Комбат. Олимпийский характер

© Подготовка и оформление Харвест, 2010

Глава 1

И какой русский не любит выпить? Боится отравиться паленой водкой и все равно пьет. Охота, как говорится, пуще неволи и даже смерти. Хотя она, смерть, тоже ведь отличный повод напиться, пусть и не чокаясь. Поминки, крестины, юбилеи и особенно свадьбы, даже собственные, сколько бы их ни было, вряд ли кто из россиян помнит на трезвую голову.

В советское время тот, кто заказывал застолье, обычно доверял доставку спиртного кому-то из знакомых или так называемому распорядителю. Но теперь, когда даже столицу буквально наводнили бутылки с паленым спиртным, что-то, а покупку алкогольных напитков, как правило, контролирует сам хозяин или хозяйка. Даже люди среднего достатка хорошо усвоили, что за спиртное лучше переплатить, чем потом мучиться. Хотя, как ни проверяй, стопроцентной гарантии качества уже не могут дать даже фирменные магазины. Сертифицированный, с акцизными марками, в фирменных бутылках алкоголь тоже может стать причиной тяжелого недуга, а то и смерти.

И все же, готовясь второй раз вступить в брак, прораб Степан Рыжиков решил купить ящик водки именно в фирменном магазине. Не хотелось ему в день свадьбы отравиться так, как в день развода. Водку к свадьбе он лично привез в багажнике своего вишневого, год назад купленного «фольксвагена» и поставил на балконе. Конец октября выдался прохладным, и даже днем столбик термометра не поднимался выше пяти градусов. Так что драгоценный напиток до самого дня свадьбы чувствовал себя на балконе почти как в холодильнике. Запасливый молодец даже не предполагал, что на самом деле налито в бутылки с фирменными этикетками...

Степан Рыжиков, несмотря на свой не слишком солидный возраст, был человеком основательным и аккуратным. Именно из-за этих его основательности и аккуратности, которые первая жена Степана Лиза называла занудством, распался его первый брак. Но Рыжиков не собирался меняться. Он был полностью согласен со своим закадычным другом Венькой, который приехал в его снова холостяцкую квартиру в вечер развода и под прозрачную, как слеза, беленькую на березовых бруньках, купленную в коммерческой лавке напротив, безапелляционно заявил:

– Первая жена, Степ, всегда пробная. Я вот только с третьего раза в десятку попал. Детей у тебя нет, алиментов платить не надо! Так что радуйся.

Правда, «радовались» они назавтра вместе, лежа на соседних койках под капельницами в реанимации. А третья Венькина жена Глаша на чем свет материла водку, киоск, где они ее купили, Веньку, а заодно с ним и Степу, и его бывшую жену Лизу, развод с которой стал для них поводом напиться.

После этого случая Степана как отрезало. Год даже вина в рот не брал. Женщину хорошую встретил, Клавдию. Таковую же, как сам, аккуратную, основательную, хозяйственную. Лет на пять старше, но это только увеличивало ее надежность.

Клавдия приехала в Москву к сестре из Нижнего Новгорода и устроилась к ним на стройку, да не кем-нибудь, а крановщицей. Замужем она не была, к мужчинам относилась уважительно, о семейной жизни мечтала. Но окончательно переехать к Рыжикову обещала только после свадьбы, которую решили отметить дома.

И вот этот день настал. Пока они с Клавдией под дежурно восторженные слова работницы ЗАГСа ставили свои подписи и обменивались кольцами, в еще недавно холостяцкой квартире Рыжикова родственники Клавдии накрыли шикарный по их меркам стол, на нем были даже бутерброды с красной икрой. И все это – под томящуюся, запотевшую на холоде в ожидании гостей фирменную водочку. Клавдия, поскольку она-то, в отличие от жениха, в брак вступала впервые, была, на радость родителям, в фате и белом платье, которые взяли напрокат всего на сутки. На двое было дороговато.

В этом расшитом бисером и кружевами белом платье, правда уже без фаты, ее и увезла «скорая» буквально через каких-то полчаса после начала застолья.

Тост успел сказать только ее отец, но, поскольку сам он был в завязке, мало того, закодированный, мать Клавдии зорко следила за тем, чтобы, кроме минералки, в его рюмку никто ничего не подлил.

– Главное, внучку мне поскорей сварганьте! А то, как Клавдия за Машкой в Москву подалась, тоска нам, старикам, нет мочи! – сказал, поправляя непривычно сжимающий горло галстук, лысоватый, в меру упитанный невысокий мужчина и, глотнув минералки, добавил: – Горько!

Стол зашумел, зачокался, еще вполне трезво подтягивая:

– Горько! Горько!

Клавдия раскраснелась, от волнения перепутала рюмки и глотнула не минералки, которую собиралась пить весь вечер, а водки, налитой Венькой Степану. Но виду не подала. Встала и потянулась губами к губам Степана, но вдруг как-то странно закатила свои густо подведенные серые глаза, побледнела и стала медленно оседать. Тот едва успел ее подхватить.

Гости, традиционно собираясь обозначить время поцелуя, едва успели сказать:

– Раз, два!

И осеклись.

Спасти Клавдию не успели. А ее мать, которой кто-то из гостей уже нашептал про первую жену Рыжикова, Лизу, которая неожиданно появилась перед самым началом застолья, окинула невесту скептическим взглядом и прилюдно вручила ей букет желтых роз, – так вот мать Клавдии, сидя уже в больничном приемном покое, вне себя от горя упрямо повторяла одно и то же:

– Это его Лизка, стерва! Это Лизка Клаву отравила!

Хоть зачем было бывшей жене Степана травить Клавдию, непонятно.

Не успел Степан Рыжиков осознать, что он практически в одночасье из молодожена превратился во вдовца, как вдруг прямо в приемном покое упал на пол и, пуская пену изо рта, начал биться в конвульсиях отец Клавдии. Убитая горем его жена не досмотрела-таки, и он, стащив со стола откупоренную бутылку, по старой привычке осушил ее до дна.

– Ему же нельзя! Он закодированный! – запричитала навзрыд мать Клавдии.

Но и на этом череда несчастий еще не кончилась. «Скорая помощь» доставила в бессознательном состоянии еще троих оставшихся за свадебным столом гостей.

Кто-то из приехавших с ними догадался позвонить оставшимся в квартире Рыжикова и предупредить, чтобы ничего не ели и не пили.

Напуганные, почти все гости, кто на такси, кто на метро, через каких-то полчаса были на улице у приемного покоя.

– Это грибы! Наверняка грибы... Я видела, он выпил и грибов себе положил. Только их проглотил, и все. Задышаться стал и потерял сознание, – делилась ярко накрашенная пышногрудая деловая блондинка.

– Да я сроду сморчков этих не беру! – отозвалась стоящая рядом дама в блестках.

– Это не сморчки, а опята были! – попытался разубедить ее теперь уже вдовец Рыжиков, который вышел из приемного покоя на улицу покурить.

– Тем более! – стояла на своем дама в блестках. – Опята от поганок вообще отличить невозможно!

– Да я сам их собирал! – возмутился Рыжиков. – И уже пробовал. И Веньку угощал. Да скажи же ты, Венька!

Но у Веньки наступила полная апатия. И вдруг он икнул, пошатнулся и тоже осел на землю.

– Я же говорила, что это грибы! – закричала дама в блестках.

– Теперь водки хуже грибов бояться нужно! – проговорил кто-то из гостей.

А пышногрудая блондинка тут же заявила:

– Нужно немедленно вызывать милицию! Это провокация!

– Теракт! – взвизгнула дама в блестках.

– Она умерла! Доченька моя! – закричала, выбежав из приемного покоя мать Клавдии и, отыскав глазами Степана Рыжикова, добавила: – И ты за это ответишь! Вы все за это ответите!

– Они умирают! Они все там умирают! – послышался мужской голос.

Очевидно, кто-то уже вызвал милицию. Потому что во двор, прямо к приемному покою, подрулил милицейский «уазик».

При его появлении все вдруг замерли и притихли, даже можно сказать, онемели.

Начинало смеркаться, а при свете вдруг зажегшихся в больничном дворе фонарей все происходящее приобрело жуткий, почти мистический характер.

Высочивший из милицейского «уазика» капитан строго предупредил только что оживленно беседовавших, а теперь враз притихших гостей:

– Никому не расходиться!

Убедившись, что никто и не собирается никуда уходить, капитан зачем-то достал пистолет и, поставив его на предохранитель, направился в приемный покой.

– Чегой-то он? – вполголоса проговорила дама в блестках, когда капитан пошел в больницу.

– Может, и правда теракт? – высказала предположение полногрудая блондинка.

– Типун тебе на язык! – махнула рукой дама в блестках.

– Не. Тут без ста грамм не разберешься! – сказал невысокий тощий мужичонка в мешковатом черном костюме и при галстукке, очевидно тоже из гостей, доставая из пакета предусмотрительно захваченную со стола поллитровку.

– И я выпью! Стресс снять... – сказала, подойдя к нему поближе, дама в блестках. – А то на свадьбе только шампанское пригубила.

– Только, дамочка, у меня стаканов нет. Из горла будешь? – предупредил ее мужичок.

– И мне дай. Для сугреву, – послышался еще один мужской голос.

Но не успели они открутить пробку, как бутылку в буквальном смысле выхватил у них из рук вышедший во двор капитан.

– Есть подозрение, что все дело в водке, – объяснил он теперь уже окончательно сбитым с толку гостям.

* * *

Борис Рублев, хотя и переехал в новую квартиру несколько лет назад, практически не знал своих соседей. Постоянные командировки и тот образ жизни, к которому вынудила его военная профессия и, можно сказать, судьба, не располагали к тесному общению. Правда, кое-что из жизни соседей доносилось через достаточно тонкие стены и потолок. И Рублев был в курсе, что соседи сверху собрались разводиться. У соседей слева – маленький ребенок, который ночью просыпается каждые четыре часа, а внизу готовятся к свадьбе. Правда, о свадьбе он узнал, лишь когда к нему поднялись за стульями. Застолье, как он понял, намечалось солидное. Значит, нужно было настроиться минимум на одну бессонную ночь. Когда свадьбу праздновали соседи сверху, которые теперь бурно, с битьем посуды скандалили и собирались разводиться, веселье не стихало дня три. В конце концов приезжали и милиция, и «скорая помощь».

Но, к его великому удивлению, свадьба окончилась, не успев начаться. Он выглянул в окно, когда приехала «скорая помощь», в которой увезли невесту. А через пару часов внизу стало совсем тихо.

Однако выспаться Борису Рублеву так и не удалось. В полночь, время он точно заметил на мобильнике, в дверь настойчиво зазвонили, а потом и застучали.

– Впустите! Я очень прошу вас, откройте мне, пожалуйста!

По голосу из-за дверей можно было понять, что женщина или, скорее, даже девушка была явно чем-то напугана.

Борис Рублев взглянул в глазок и тут же распахнул дверь. На пороге стояла и все время озиралась, как будто за ней гонятся, светловолосая, коротко стриженная девушка с огромными голубыми глазами. Одетая она была более чем демократично – джинсы, кроссовки, серый свитер и ярко-синяя куртка. На плече у нее висела довольно солидная и, похоже, тяжеловатая сумка.

Девушка с таким испугом и доверием смотрела на Рублева, что он не мог ее не впустить. Тем более что внизу слышались голоса, кто-то поднимался по лестнице.

– Что случилось? – спросил Рублев, захлопнув дверь и зажигая свет в прихожей.

– Вы не волнуйтесь, – проговорила девушка, как-то сразу успокоившись, и достала из сумки удостоверение, – я корреспондент газеты «Криминальные новости» Ангелина Сойкина. И ничего такого не совершила. Но там внизу милиция. А у меня сейчас нет никакого желания встречаться со стражами порядка. Они уже в подъезде. И все, что мне оставалось, это подняться на этаж выше и позвонить в вашу квартиру. Я пережду у вас, пока они поедут... Вы же меня не сдадите?

На ее доверчивый, полный надежды взгляд Рублеву оставалось лишь пожать плечами.

– А вы здесь один живете? – уточнила девушка.

– Один. А что? – спросил Рублев.

– Да ничего... Это я так, на всякий случай спросила.

Девушка сбросила кроссовки, прошла в комнату, уселась на диван и проговорила:

– Зато смотрите, что у меня есть!

С этими словами она достала из сумки бутылку водки с яркой узнаваемой фирменной этикеткой «Моя Московская».

– Я на ночь не пью, – улыбнулся Рублев.

– Да, я понимаю. Вы, наверное, спортсмен или военный... А я вообще не пью, в принципе.

– Так, может, спрячьте ее. Пригодится. Это же сегодня самая конвертируемая валюта.

– Это не просто водка. Это вещдок, который я увела из-под носа у милиции, – с гордостью заявила девушка.

– Вещдок? – удивился Рублев.

– Еще какой! – гордо сказала девушка.

– Да, час от часу не легче, – улыбнувшись, покачал головой Рублев и предложил: – Вам чай, кофе?

– Даже не знаю. Если придется сейчас от ментов убежать, лучше кофе, а если спать ложиться, то чай. Я замерзла страшно! Или это из меня стресс так выходит... – проговорила девушка, едва справляясь с дрожью.

– Ладно, принесу вам горячего чая с бальзамом, а там будет видно, – кивнул Рублев и вышел на кухню.

Девушка с интересом осмотрелась. Вещей в комнате было немного – диван, телевизор, не плазма, обычный цветной, компьютерный стол с ноутбуком, книжные полки, шкаф. И, как даже в своем возрасте понимала Ангелина, совсем не характерный для одинокого мужчины почти идеальный порядок. Даже пыли нигде не было. «Или все-таки жена у него, или женщина какая-то у него есть дотошная, или домработницу держит...» – подумала про себя Ангелина, которая больше всего на свете не любила наводить порядок. Она готова была готовить, даже стирать. Мыть посуду, только не убирать. Каждая уборка для нее растягивалась на сутки, а то и на неделю. Рисунки, записки, старые блокноты и тетрадки – то, что люди обычно выбрасывают не глядя, для Ангелины всегда были главным камнем преткновения. Она часами могла расшифровывать записанные на скорую руку чьи-то слова или любоваться своим почерком в

третьем классе. А у этого ее случайного знакомого вообще нигде не было ни старых газет, ни фотографий. А книги стояли за стеклом ровно и строго.

Когда Рублев вернулся с подносом, на котором стояли две чашки горячего, еще дымящегося чая и вазочка с печеньем, девушка уже подобрала под себя ноги и укуталась пледом. Она сидела и сосредоточенно смотрела в одну точку. Бутылка «Моей Московской» стояла перед ней на журнальном столике.

– Вы так на нее смотрите, – проговорил Рублев, – что мне кажется, хотите ее попробовать. Может, все-таки принести рюмки?

– Нет! Нет! Ее нельзя пить. Она отравлена, – поспешила предупредить девушка.

– Отравлена? – удивился Рублев.

– Да, я в этом уверена, – сказала девушка.

– А почему вы так в этом уверены? – поинтересовался Рублев.

– Долго рассказывать. Но я сейчас согреюсь и хотя бы в общих чертах введу вас в курс. Мне все равно нужно сейчас все обдумать. А вдвоем думать веселей.

С этими словами девушка взяла в руки чашку и сделала несколько глотков.

– Ангелина, кажется, так вас зовут? – начал Рублев, тоже отпив чаю, с интересом поглядывая на нежданную гостью. – Я только не пойму, почему вы так мне доверяете? Я же для вас абсолютно посторонний человек.

Борис Рублев в последнее время вообще старался не открывать дверь незнакомцам, не то что впускать кого-то в квартиру. Ведь при его работе, которая по существу стала его образом жизни, можно было ждать любых провокаций. После того как девушка, представившаяся журналисткой, достала бутылку, да еще объявила ее вещдоком, он просто обязан был быть настороже. Но, как ни удивительно, почему-то в этот раз (он сам не знал почему) ему хотелось доверять своей нежданной гостье. Внутреннее чутье подсказывало ему, что девушка скорее наивна, чем хитра. Но то, что она как ни в чем не бывало готова была выболтать ему все свои секреты, это было более чем странно. Секретами с незнакомцами делятся в двух случаях: когда надеются их больше никогда не увидеть или когда собираются подставить по-крупному.

Ангелина на его вопрос только передернула плечами:

– Вы забываете, что я журналистка. А для журналистки ошибаться в людях смерти подобно.

– И что, я вызываю у вас доверие? – улыбнулся Рублев.

– Представьте себе. И гораздо большее, чем некоторые мои коллеги...

– Коллеги? – уточнил Рублев.

– Ну да. Например, наш редактор. Роберт Стэп. Может, слышали?

Рублев покачал головой:

– Нет...

– Он вообще-то Роберт Степанюк. Но Стэп звучит как бы поярче, – продолжала Ангелина Сойкина. – У нас почти у всех псевдонимы. Я тоже иногда подписываюсь Лина Ангел. Здорово, правда?

Рублев пожал плечами:

– Я в этом мало понимаю.

– Да я вижу, что вы не филолог. Да... Так о чем это я...

– Вы говорили, что не доверяете своему редактору, – напомнил Рублев.

– Ну да. Он точно с мафией связан.

– Вы так уверены?

– Было дело. Я статью написала. Про одного человека. Кстати, тоже в вашем подъезде жил. На первом этаже. Леонид Михайлович Воронков. Знали его?

– Нет, – покачал головой Рублев.

– Его все Михалычем звали. Так вот, он повесился. Это где-то месяц назад тому случилось. Неужели не слышали?

– Наверное, я в отъезде был, – пожал плечами Рублев.

– Нам позвонили. А я как раз на телефоне дежурила. Ну и рванула сразу на место. А у меня своя методика. Потерлась среди подростков во дворе, с бабками на лавочке поболтала и узнала, что Михалыч взял кредит в банке «Русский оптималь», чтобы дочери квартиру построить, но, когда подняли комиссионные сборы, выплатить его не смог. Из банка пришли и его собственную квартиру описывать, он практически остался с семьей на улице. А у него внук маленький, жена больная... В договоре, правда, оговорка была, что, если человек погибнет или умрет, долг его списывается. Вот Михалыч и решил свести счеты с жизнью. Думал, так родных своих от бездомности спасет. Я статью написала, редактору отдала. А он месяц ее под сукном держит. Не печатает. Я сюда, собственно, по этому делу и приезжала. Узнать, как да что. В той квартире, где Михалыч повесился, теперь кто-то евроремонт делает. Я у бабок на лавочке спрашиваю, где теперь семья Михалыча проживает, а они мне говорят: «Что Михалыч! Тут целая свадьба паленой водкой отравилась». Я наверх. Там дверь не заперта. Захожу, а на столе знакомые бутылки стоят. Я одну захватила. В туалете несколько часов сидела, подслушивала. А когда милиция, следователи вниз пошли, я, чтобы с ними не встретиться, сразу наверх, к вам.

– Так вы что, теперь еще одно дело раскручивать будете? – проговорил Рублев, все еще воспринимая девушку не совсем всерьез.

– Может случиться, что это не два, а всего одно дело... – вздохнула Ангелина.

– А подробнее? – заинтересовался Рублев.

– А вы кто, что так интересуетесь? Чем вы вообще-то занимаетесь? Ведь я даже не знаю, как вас зовут! – вдруг напряглась Ангелина Сойкина и в упор взглянула на Рублева.

– Зовут меня Борис. Профессий у меня много и разных. Но вы сами заявили, что мне доверяете. Так что, если сказали «А», говорите уж и «Б», – сказал Рублев, не отводя взгляда.

– Да... – вздохнула Ангелина. – В общем-то мне выбирать не приходится. Без мужской логики и, главное, силы мне не обойтись. Даже если вы будете играть свою партию, все равно поможете.

– В общем-то, если по правде, у меня своих дел хватает. А в чужие я не лезу, – пожал плечами Рублев. – Это я так, к слову спросил. Не хотите – не рассказывайте.

И тут в дверь настойчиво позвонили.

– Это наверняка меня ищут... – проговорила Ангелина и с надеждой взглянула на Бориса Рублева: – Не говорите, что я здесь...

Тот кивнул и, выходя в коридор, на всякий случай захватил из верхнего ящика одной из тумбочек и положил в карман джинсов пистолет.

Потом снял с вешалки и бросил в гостиную куртку Ангелины, а ее кроссовки ногой подсунул под тумбочку, так, чтобы они не бросались в глаза. Дверь гостиной захлопнула сама Ангелина.

– Кто там? – спросил Рублев, заглядывая в глазок.

– Открывайте, милиция! – сказал милиционер, за спиной которого стояли еще два довольно молодых человека в кожаных куртках.

Рублев приоткрыл дверь, но впускать их в квартиру не стал.

– В чем, собственно, дело? – спросил он сурово.

– Вот молодые люди... Они утверждают, что где-то в подъезде находится их сотрудница. Видели, как она входила в подъезд, а назад не вышла, – проговорил милиционер, и попросил: – Вы, товарищи, разберитесь! А мне еще свидетелей опросить нужно.

– Идите, мы разберемся, – кивнул Рублев.

– Я главный редактор газеты «Криминальные новости» Роберт Стэп, – представился один из штатских, с темными, гладко зачесанными наверх волосами. – Здесь где-то должна находиться наша сотрудница.

С этими словами он буквально ломанулся в квартиру. При этом второй в кожанке выхватил пистолет.

– Ты главный редактор, а я главный прокурор, – резко сказал Рублев, тоже выхватывая пистолет. – И никаких ваших сотрудниц у меня нет.

– Но соседка утверждает, что видела, как вы впустили сюда девушку, которая по описанию совпадает с нашей сотрудницей, – продолжал настаивать редактор, – и это легко проверить.

С этими словами Роберт достал мобильник и, очевидно, набрал номер Ангелины.

В гостиной раздалась мелодия из «Кармен». Ангелина, видимо, не догадалась выключить свой мобильный.

Двое в кожанках все-таки ворвались в квартиру. И один из них даже выстрелил пару раз в потолок. Но Рублев, применив несколько исключительно эффективных резких приемов, повалил их на пол и выключил и одного, и другого. Потом забрал у них пистолеты и, затащив на кухню, связал руки и заклеил им рты.

Вернувшись в гостиную, он увидел, что Ангелины нигде нет. И только услышав тихое постукивание с балкона, он догадался, где находится девушка.

Рублев отдернул шторы, открыл балконную дверь и впустил девушку в комнату.

– А где они? Где Стэп? – полушепотом спросила испуганная Ангелина.

– На кухне, – кивнул Рублев, – но долго они там не пролежат. Нам нужно ретироваться.

– А как же мы выйдем из подъезда? – спросила Ангелина.

– Молча, – сказал Рублев, проверяя свой всегда собранный походный рюкзак. – Забирай все из карманов и натягивай какую-нибудь из моих курток, шапку на глаза, капюшон, перчатки.

Через пару минут Ангелину было не узнать. Ее сумку вместе со стоящей на журнальном столике бутылкой «Моей Московской» Рублев положил в большой черный пакет. А потом, сходя на кухню, принес холодненькую, прямо из холодильника, бутылку и щедро облил Ангелину водкой. Та только фыркнуть успела. Ангелина без слов поняла правила игры.

И через несколько минут из подъезда вышли и в обнимку, изрядно пошатываясь, прошли мимо высыпающих на улицу бабушек и милицейского «уазика» двое изрядно подвыпивших мужчин. Один повыше и посильнее, второй совсем тощий, почти подросток.

– Вот назююкались! – проворчала одна из старушек.

– И как не стыдно, здоровый бугай и такого молодого спойл! – поддакнула вторая.

– Погодите, а это не из тридцать второй жилец? – вдруг оживилась третья.

– Да нет! Ты что, Митрофановна. Тот вообще не пьет! – уверенно сказала первая. – Это вообще бомжи какие-то! Как они только в подъезд попали!

– Да это все со свадьбой этой! Милиция туда-сюда шастает. А толку никакого! Девчонка эта, корреспондентка, так ведь и не вышла. О ней и милиция, и эти, в кожанках, расспрашивали, все квартиры обошли, и толку никакого.

– А может, она на чердак полезла? – высказала предположение Митрофановна. – Надо бы этим, в кожанках, сказать.

– Они какие-то тоже сомнительные. Никакого доверия не вызывают...

Пока старушки строили предположения, двое «пьяных бомжей» в натянутых на лицо шапках и куртках остановили выезжавшее из двора такси.

– До Казанского подбросишь? – специально погромче заплетающимся языком спросил Рублев.

А когда они с Ангелиной сели в такси, попросил таксиста:

– За углом останови.

Расплатившись, он буквально вытянул Ангелину из машины и попросил шофера:

– Постой минут пять, а потом езжай.

Сбоку было похоже на то, что двое пьяных пошли в закрытую воротами арку, чтобы облегчиться. Хотя на улице была глухая осенняя ночь, Рублев понимал, что, если кто-то хочет не выпустить ситуацию из своего контроля, за ними, даже за неузнанными, обязательно увяжется хвост. Поэтому стоило перестраховаться.

Как только они зашли за ворота, Рублев осмотрелся, быстро стянул с Ангелины верхнюю мужскую куртку, шапку, и уже вполне трезвой походкой они направились в соседний двор, потом, попетляв еще по аркам и дворам, он вошел в подъезд и, поднявшись на третий этаж, открыл дверь квартиры.

– Заходите! – позвал он Ангелину.

Та, все еще пребывая почти в шоковом состоянии, вошла в прихожую.

Когда дверь захлопнулась, Рублев зажег свет и, сняв обувь, прошел на кухню.

– Это тоже ваша квартира? – спросила Ангелина.

– Нет, это квартира моего друга, но на ночь мы здесь можем остаться. Хотя надежнее было бы вам сразу уехать из города. Я так понял, что вы затеяли какую-то очень опасную игру.

– Да... похоже... И если бы не вы, меня бы уже могло не быть в живых.

– Этот ваш редактор действительно еще та штука... Только не понял, что ему от вас нужно?

– А я, кажется, понимаю... И теперь мне, кроме вас, помощи искать не у кого... – проговорила Ангелина и попросила: – Вы не могли бы мне сделать еще раз чай?

– Да, будем надеяться, до утра кофе нам не понадобится, – улыбнулся Рублев, заходя на кухню и включая чайник, – а в прошлый раз мы с вами зря не выпили кофе.

– Ну, тогда мы, возможно, не были бы так правдоподобны в образах бомжей... – пожал плечами Ангелина, усаживаясь за стол и отодвигая в сторону две чашечки с остатками кофе.

Рублев тут же переставил их в умывальник, где уже стояла гора грязных тарелок, вытер стол и принялся мыть посуду.

Ангелина следила за ним как замороженная. А потом покачала головой:

– Впервые вижу, чтобы мужчина так, как бы между прочим, мыл посуду.

– Не переносу грязи! – сказал Рублев, протирая тарелки полотенцем.

– Так вы, может, хирург?

– Нет, это как раз мой товарищ, у которого мы сейчас находимся, хирург, и у него вечно нет времени помыть посуду.

– А вы?

– А я человек военный. Военный в отставке, – пожал плечами Рублев.

– Да, мне говорили, что военные тоже любят во всем порядок... – вздохнула Ангелина.

Рублев промолчал, заварил две чашки зеленого чая и, сев напротив Ангелины, стал размешивать сахар. Он, казалось, не выказывал никакого интереса к делам молодой журналистки.

Ангелина же, собравшись с мыслями, проговорила:

– Теперь я уверена, что напала на след серьезной мафии...

– Мафии? – удивился Рублев.

– Да, именно, водочной мафии. И два дела, которыми я занимаюсь, связаны между собой. И за самоубийством вашего соседа Михалыча, и за водочными отравлениями на свадьбе стоят одни и те же люди, стоит банк «Русский оптималь».

– А почему вы так в этом уверены? – спросил Рублев. – Какое отношение может иметь банк к паленой водке?

– Дело в том, что «Русский оптималь» собирался купить завод по выпуску «Моей Московской».

– Подождите, но ведь «Русский оптималь» – серьезный банк, и не резон ему торговать паленой водкой... Ведь это капитально повредит его репутации, – проговорил Рублев.

– Да, это-то меня и смущает, – задумчиво произнесла Ангелина.

– А может, эту водку от имени «Русского оптималья» пустили в продажу их конкуренты? – высказал предположение Рублев.

– Я готова проиграть все варианты... – проговорила Ангелина. – Вы мне поможете?

– Не знаю только чем, – пожал плечами Рублев.

– Сейчас я выйду со своего мобильного в Интернет и посмотрю всю последнюю информацию по «Русскому оптималю», – сказала Ангелина, доставая свой телефон.

Через несколько минут она удивленно сказала:

– Вот. Послушайте! Банк «Русский оптималь» ввязался в борьбу за «Мою Московскую». На компанию по выпуску самой популярной в России водки, кроме холдинга «Русский оптималь», претендуют не только несколько российских компаний, но и две польские. Банк «Русский оптималь» объявил об отмене ежемесячных комиссий предоставляемых кредитов. Произошло это после того, как Генпрокуратура объявила, что в ходе проверки были обнаружены массовые нарушения прав граждан. Отказ от взимания комиссий лишает «Русский оптималь» почти половины его доходов. Компенсировать потерю доходов банки попытаются за счет повышения процентных ставок.

– Но там же ничего не сказано о том, что «Русский оптималь» выпустил водку, – заметил Рублев. – Там даже не сказано, что ему удалось купить компанию. Там только указано, что он претендует и что у него есть конкуренты.

– Да, как вы и говорили. И эти конкуренты могут что угодно подстроить, – заметила Ангелина, все еще не отрываясь от мобильного, и вдруг почти воскликнула: – А вот это, по-моему, более чем интересно! Холдинг «Русский оптималь» выиграл тендер на строительство нескольких олимпийских объектов в Сочи. Знающие люди утверждают, что именно там, в Сочи, «Русский оптималь» собирается разместить цеха. С банком в связке еще строительная компания, как я поняла, «Нью Сочи», кажется...

– «Нью Сочи»? – переспросил Рублев, вспоминая, где же недавно мог слышать это название...

– И вы знаете, когда я там, в квартире, где была свадьба, сидела в туалете и подслушивала, – продолжала Ангелина, – следователь, кажется Прахов, разговаривал с родственниками, и те сказали, что водку хозяин купил в новом фирменном магазине «Москва». А потом он еще куда-то позвонил, и я ясно услышала: «Русский оптималь» и Сочи.

– И что? Вы, может, предлагаете, сейчас лететь в Сочи? – скептически улыбнулся Рублев.

– Вы как хотите, а я, пока не докопаюсь до истины, не отступлюсь! – проговорила Ангелина, доставая из пакета захваченную ею за свадебным столом бутылку. – Но если вы действительно военный, помогите мне, девушке, за которой охотится собственный редактор, для вас должно быть делом чести! – высокопарно произнесла Ангелина и тихо, вздохнув, добавила: – Помогите мне, пожалуйста... За вами же тоже теперь будут охотиться. Они ведь уверены, что мы с вами вместе.

– Да, похоже, выбора вы мне не оставили, – покачал головой Рублев, с улыбкой взглянув на Ангелину.

Такие, как она, нежные и в то же время решительные голубоглазые девушки нравились ему в далекой юности, когда у него за плечами еще не было сожженных «бэтээров», на его глазах расстрелянных в воздухе товарищей-десантников, не было столько боли и крови. И мозг, который они с ребятами, там, в пекле, между собой называли ЦУП-один, подсказывал ему, что Ангелину он может воспринимать лишь как сестру. Но кто знает, как поведет себя его ЦУП-два, останься они с ней на ночь в одной комнате... И хотя в гостиной стояло два дивана, он постелил там лишь Ангелине. А сам, достав из чулана раскладушку, отправился на кухню.

Утром, умывшись и выпив кофе, Рублев решил не будить Ангелину. И где-то после девяти, узнав по справочной телефон, сам позвонил в фирменный магазин, где, как со слов следователя утверждала Ангелина, была куплена водка для свадьбы.

– Вас беспокоит следователь Прахов, – уверенно и настойчиво проговорил он в трубку. – Вам уже, уверен, сообщили, водкой из какой именно партии отравились люди. Еще раз уточните, когда и откуда была получена вами партия водки «Моя Московская».

– Да, конечно, – послышался испуганный женский голос. – Мы, как вы просили, проверили. Эта партия поступила из Сочи.

– Из Сочи? – удивился Рублев.

– Да, есть даже адрес. Сочи, улица Красная, дом пять...

– Спасибо, – кивнул Рублев.

Ангелина, которая, как оказалось, уже проснулась, и, очевидно, слышала весь разговор, вместо «С добрым утром!» спросила:

– Так мы что, все-таки летим в Сочи?!

– Но там же сейчас не сезон... – покачал головой Рублев.

– Ну и что! – сказала Ангелина. – Все равно интересно. Там же олимпийские объекты строят...

– Да, точно, хорошо, что вы мне напомнили, – кивнул Рублев.

Он не любил ехать, тем более лететь куда-то наобум, не будучи уверенным, что поездка принесет какую-то конкретную пользу. А тут практически все факты были не проверены и могли оказаться обычной уткой. Но там, в Сочи, у него было и одно конкретное дело, которое он, правда, откладывал на зиму. Хотел хоть раз в жизни совместить полезное с приятным и покататься на горных лыжах. Но если удастся все разрешить сейчас, кто запрещает ему зимой просто поехать покататься?

Рублев не стал делиться с Ангелиной, но он еще ночью сразу вспомнил, от кого услышал название строительной компании «Нью Сочи». Один из его бывших сослуживцев, как и он, майор, Алексей Пышкин, случайно встретив его в метро, похвалился, что его строительная компания, которая теперь называется «Нью Сочи», выиграла тендер на строительство одного из олимпийских объектов. Но, как ему кажется, кто-то там водит его за нос. И он сам летит в Сочи разбираться.

– До весны там зависну, буду контролировать каждый документ, каждый шаг. И ты прилетай. На лыжах покатаемся. И мне поможешь разобраться. Одна голова хорошо, а две лучше, – сказал на прощание Пышкин, пожимая ему руку.

Так что, хочешь не хочешь, нужно было заказывать билеты.

Глава 2

О том, что зачат он был под переборы гитарных струн в студенческом стройотряде где-то в Молдавии, Сергей Стычкин узнал, уже когда родители развелись. Мама, отлетая к своему новому бойфренду в США, прослезилась и призналась:

– Сереженька, самые счастливые дни и ночи были у меня в стройотряде, в Молдавии. Ты был зачат по большой любви. Ты бы слышал, как твой отец играл на гитаре!

И первое, что сделал шестнадцатилетний Сергей, как только мама улетела, отыскал в маминых записных книжках телефон отца, с которым мама и бабушка не разрешали ему видеться уже лет десять, созвонился с ним и встретился в парке у детских каруселей. Отец пришел на встречу с двумя бутылками чешского пива и, пожаловавшись на свою вторую жену-стерву, двоих или троих детей, которые у него все соки высосали, когда пиво кончилось, хлопнул вмиг осоловевшего Серезу по плечу и уверенно сказал:

– Помни, сынок, ты должен стать, как и я, химиком! Теперь химики в большом почете! И у нас, и за бугром. А за океаном хорошие химики вообще на вес золота, которое они же, кстати и химичат! А у нас... о, у нас теперь такое нахимичить можно! Если бы я не пил, я уже бы и своей стерве, и вам с мамой и коттеджи, и машины нахимичил... Иди, сын, на химфак. Но не пей! То есть нет, пей. Но только то, что сам, своими руками нахимичишь!

После того с отцом они больше не встречались.

И хотя бабушка, как и мама, которая время от времени позванивала и присылала к Рождеству и дню рождения подарки, хотели видеть его дипломатом, Сергей решил стать химиком. И даже не предполагал, что слова отца сбудутся так скоро. После второго курса он по конкурсу, как лучший студент и спортсмен, записался в стройотряд, который отправлялся на строительство олимпийских объектов в Сочи. Но назад в Москву вместе со всеми не вернулся. Позвонил бабушке и сказал, что устроился в Сочи на очень перспективную работу по специальности. Настолько перспективную, что уже имеет свою машину.

– А как же учеба? – поинтересовалась бабушка.

На что Сергей только неопределенно проговорил:

– Как-нибудь доучусь. Не в Москве, так в Сочи.

Больше никаких вестей от внука бабушка не получала. Но, поскольку он просил ее не волноваться, бить тревогу не стала и в передачу «Жди меня» не обращалась.

А произошло с Сергеем вот что. Сначала их отправили расчищать мусор на одну из строительных площадок. Во время перекура, когда большинство ребят действительно пошли покурить, Сергей по давней своей школьной привычке решил посмотреть, что находится за забором, откуда явно тянуло дрожжами. Кто-то даже пошутил, что там явно ликеро-водочный завод. Сергей отыскал в кирпичной ограде несколько выбоин, вскарабкался наверх и спрыгнул с другой стороны. Прямо перед ним стояли два длинных, похожих на склады здания. Когда-то белая штукатурка потрескалась и кое-где осыпалась, обнажив старую кирпичную кладку. Окон было немного, и располагались они высоко. Из нескольких торчали изогнутые жестяные трубы. Сергей не смог сдержать любопытства и, поставив один на один пару пластмассовых ящиков из-под бутылок, вскарабкался наверх и заглянул внутрь. Все, что он успел заметить, – это огромный чан, из которого выходила труба. Возле чана колдовало несколько человек в респираторах и белых халатах.

Однако больше разглядеть Сергей ничего не успел. Кто-то с силой стянул его с ящиков и, закрутив руку, потащил ко второму зданию. Скосив глаза, Сергей понял, что попал в руки высокого мощного мужчины, который тоже был в белом халате и респираторе.

– Эй, отпустите! Меня ждут! Люди! Помогите! – закричал Сергей.

Но мужчина только сильнее сжал ему руку и хрипло гаркнул прямо в ухо:

– Заткнись, урод! А то сейчас на месте прикончу!

Дверь была не заперта, и оттуда тоже тянуло дрожжами или, точнее, самогоном.

Прямо при входе стоял стол, где за компьютером сидел довольно молодой подтянутый мужчина в белом халате, в очках и без респиратора. Он не спускал глаз с монитора. Вся остальная часть здания, очевидно цех, была отгорожена стеной и железной дверью.

– Вот еще один любопытный! – прохрипел схвативший его мужчина, не выпуская руки. – Сразу в чан его или разговаривать будете? Слышите, Степан Иллиодорович! Лазутчик у нас!

Сидящий за столом мужчина оторвал взгляд от монитора и с удивлением спросил:

– Это ты, Сергей?

Сергей узнал его еще по имени. Согласитесь, Степан Иллиодорович – довольно редкое сочетание. Именно так звали одного из их преподавателей. Степан Иллиодорович Крышкин вел у них практические на первом курсе. Потом говорили, что он уехал за границу. Встретить Крышкина здесь, в Сочи, в каком-то бараке, где пахло самогоном, Сергей никак не ожидал.

– Отпусти его, Краб, – приказал Крышкин и добавил: – А сам выйди!

Краб отпустил Сергея и, не скрывая раздражения и обиды, хлопнул дверью.

– Не знаю почему, но я действительно рад тебя видеть, – сказал Крышкин, окидывая Сергея каким-то приторно-сладким взглядом и пожимая руку, ту самую, которую только что скрутил ему Краб.

– Я вас тоже, – покачал головой Сергей и почувствовал, что краснеет.

– Каким ветром тебя сюда занесло? Это же режимный объект. Тут секретная лаборатория раньше была, – проговорил Крышкин, поглаживая Сергею ладонь.

– А теперь? – спросил Сергей, вырвав руку.

– А теперь здесь еще более режимный и еще более секретный объект, – обтекаемо сказал Крышкин.

– Самогон, что ли, гоните?

– Не совсем... Но ты не сказал: как ты сюда попал?

– Как-как, через забор перелез, – пожал плечами Сергей.

– Нет, я спрашиваю, как ты в Сочи оказался?

– Да стройотряд у нас. Олимпийские объекты строим.

– Понятно, – кивнул Крышкин и вдруг предложил: – А может, подзаработать хочешь?

– То есть?

– Ну, вместо стройотряда ко мне, в лабораторию?

– А что за лаборатория?

– Если согласишься сотрудничать, все расскажу и покажу. А если нет, то тебе придется все забыть. Таковы правила игры.

С этими словами Крышкин достал из ящика стола одноразовый шприц и ампулу с лекарством.

– Что это? – не понял Сергей.

– Так, одно безобидное американское лекарство. Стирает ближний слой памяти.

– Э не, подождите, – покачал головой побледневший Сергей, который жутко боялся просто любых уколов.

– Я жду, – холодно и жестко сказал Крышкин.

– А как мне своим сообщить, что я здесь остался?

– Домой позже позвонишь. А стройотрядовским, чтобы кипеж не поднимали, скажешь, работу нашел денежную. И остаешься в Сочи.

– То есть? А учеба?

– Если я скажу, какие тебе здесь будут платить бабки, ты забудешь на учебу. Лет через пять вернешься в Москву на белом коне. А захочешь – здесь, в Сочи, останешься. Поверь мне,

нам, если все пойдет так, как планируется, любые бабки по карману будут. Мне сейчас по горло нужен помощник. А случайных людей я брать не хочу.

– Ну, не знаю, – пожал плечами Сергей.

– Ладно, в виде исключения, как своему бывшему студенту, я поверю, – сказал Крышкин, опуская шприц. – Сейчас Краб отвезет тебя в гостиницу или там общежитие, где вы живете, ты заберешь вещи. И уже отсюда позвонишь своим товарищам и скажешь, что остаешься работать на фирме. Только без глупостей, делать все так, как я сказал. Шаг влево, шаг вправо – и ты не жилец.

– Но чем вы хоть занимаетесь? – поинтересовался Сергей.

– Все расскажу, когда привезешь вещи, – отрезал Крышкин.

Они вместе вышли во двор, где прохаживался и нервно курил все еще разъяренный Краб.

– Краб, заводи машину! – командным голосом сказал Крышкин. – Этот студент будет у нас теперь работать.

– Кем? – не понял Краб, окинув парня оценивающим взглядом. – У него же мышца, как у младенца.

– Зато мозги хорошо варят, – хмыкнул Крышкин. – Он мне помогать будет. Так что береги его.

– А куда его везти нужно? – уточнил Краб.

– Там, где он теперь живет. Он покажет. Вещи забрать. Только следи, чтобы никаких звонков и случайных встреч. Зайдешь с ним в комнату, поможешь собрать вещи и сюда. Чем скорее, тем лучше.

Краб, как только ему сказали, что Сергей – ценный работник, перестал ершиться и, подогнав свой черный джип, вполне миролюбиво позвал:

– Садись, спец.

В общежитии, где жили стройотрядовцы, из ребят никого не было. Только уборщица, из местных, сосредоточенно мыла шваброй пол в коридоре. Краб, все время зорко поглядывая по сторонам, поднялся в комнату вместе с Сергеем. Сергей собрал в дорожную сумку все свои вещи и, вздохнув, покачал головой:

– Кажись, все, пошли.

Они спустились к машине. Но тут прямо им навстречу выбежал один из стройотрядовцев, Мишка по кличке Метеор.

– О, Серега! Ты куда? А я нашим так и сказал, что ты наверняка в общагу рванул. А они кипеж подняли. Девчонки вообще выдали, что тебя похитили. И выкуп требовать будут, – скороговоркой проговорил Метеор.

Ситуация, как говорится, была нештатная. И Сергей вопросительно взглянул на Краба. Но тот уже набирал эсэмэску на мобильнике. Как только пришел ответ, Краб с серьезным видом заявил:

– Сергея срочно вызвали в Москву. У него там проблемы. Он перезвонит.

– Серега, правда, что ль? – удивился Метеор.

Сергей, вздохнув, кивнул:

– Правда. Правда. Вишь, правительственный джип прислали.

– Ну, если так, то счастливого пути! – растерянно проговорил Метеор и, опомнившись, уточнил: – Так ты возвращаться не будешь?

Сергей снова вопросительно взглянул на Краба.

– Он вам еще перезвонит! – сказал Краб.

– Ну ладно... – растерянно промямлил Метеор.

Сергей сел в машину. И через несколько минут они, притормозив у ворот, въехали на территорию, как выразился Крышкин, режимного объекта.

Кроме двух похожих на склады зданий, в дальнем углу, среди деревьев, было еще одно, вполне современное двухэтажное строение, у которого они и остановились.

– Это наша типа общага, – сказал Краб, – спецы на втором этаже живут, а охрана на первом.

– А мне куда? – уточнил Сергей.

– Ты же, как я понял, спец, значит, на второй. Там один блок пустой, наверняка тебя туда. Сейчас шефу перезвоню. Уточню.

Краб набрал номер Крышкина, но тот почему-то не ответил.

– Ладно, – махнул рукой Краб, – можешь якорь тут бросать. А шеф потом, если что, скорректирует.

Сергей толкнул дверь, она была не заперта. В комнате стоял компьютер, две кровати, шкаф, журнальный столик и два кресла. На окнах висели жалюзи.

Поставив свою дорожную сумку на пол, Сергей повернулся к Крабу, который стоял у него за спиной, и спросил:

– А ключи здесь есть?

– Не-а! – покрутил головой Краб и добавил: – Здесь ни одни двери не запираются. И видеонаблюдение повсюду. Даже в туалете.

– Это еще зачем?! – возмущенно спросил Сергей.

– Тебе ж сказали, режимный объект. Все должны быть под наблюдением! Ну ты не парься, все пленки только охранник фильтрует. А потом, если ничего подозрительного нет, их уничтожают. Так что сколько у тебя в штанах сантиметров, мы не рассекретим! – сказал Краб и хохотнул.

– При чем тут это! – смутился Сергей.

Но тут у Краба зазвонил телефон. Крышкин говорил так громко, что Сергей все слышал.

– Ты, Краб, звонил?

– Да, привез я вашего спеца. Вот заселяю.

– Куда?

– Да здесь у спецов всего один блок свободный. Я его туда и привел.

– Ты его ко мне в номер сели.

– К вам? – удивился Краб.

– Возьми на вахте запасной ключ и отдай Сергею, – распорядился Крышкин.

– Ладно, – пожал Краб плечами и, отключившись, сказал Сергею: – Будет тебе и ключ, и люкс с джакузи. С шефом жить будешь.

– С шефом? Со Степаном Иллиодоровичем? – удивился Сергей.

– Да, у него кровать широкая! С голубым покрывалом! – сказал Краб и нехорошо хохотнул.

Вся правда этого нехорошего хохотка открылась Сергею в первую же ночь.

Когда он оставил вещи в номере, Краб отвел его к Крышкину, и тот провел для Сергея экскурсию.

Сначала они, надев белые халаты и респираторы, зашли в тот цех или, скорее, лабораторию, что располагалась за железной дверью в здании, где сидел Крышкин. Довольно просторное помещение было залито голубоватым светом. На вытянувшихся у стен столах со стеклянными перегородками стояли пробирки, колбы, большие стеклянные сосуды с трубочками и несколько компьютеров.

Несколько мужчин и женщин в белых халатах и респираторах ходили между столами и что-то записывали. В колбочках и сосудах все булькало, в трубочки выходил пар. Говорить в респираторе было неудобно. И Крышкин, время от времени поглаживая Сергею руку, кивал то в одну, то в другую сторону.

Когда они вернулись к его столу, Крышкин снял респиратор и гордо спросил:

– Ну, как? Как ты думаешь, чем мы занимаемся?
– Судя по запаху, – посапывая, проговорил Сергей, – чем-то спиртным.
– Спиртным занимаются спиртзаводы. А мы занимаемся элитным спиртным! Мы готовим новые, элитные сорта водки для будущей Сочинской олимпиады. И спонсирует это все теперь один из ведущих российских банков.
– Ого! – присвистнул Сергей.
– А что ж ты думал?.. – проговорил Крышкин, ласково поглаживая Сергею руку.
– А в другом здании у вас мини-заводик, что ли? – спросил Сергей, вспоминая то, что успел разглядеть в окошко.
– Что-то вроде того... – кивнул Крышкин.
– И что, может, даже уже продаете свою водочку?
– Да так, иногда... Бывает... – замялся Крышкин.
– Но сами-то хоть дегустировали? – спросил Сергей.
– Сегодня и ты продегустируешь... – сказал Крышкин и, опять ухватив и жарко пожав Сергею руку, добавил: – Мы вместе продегустируем.
Знал бы Сергей, что это означало...

Он помнил, что они вернулись в номер. Помнил, что принял душ и, накинув один из висевших в ванной комнате махровых халатов, сел в кресло у журнального столика, на котором стояла красивая, похожая на древнерусский терем запотевшая бутылка, правда, без подписи, был нарезан соленый огурчик, колбаска, сыр, стояли две рюмки. Бра заливало комнату зеленоватым светом. Играла приятная, мягкая, обволакивающая музыка. Крышкин тоже был в махровом халате и тапочках. Сергей почему-то очень хорошо запомнил его густо поросшую волосами грудь и ноги, тоже волосатые и жилистые. Крышкин молча разлил по рюмкам прозрачную жидкость. Они чокнулись и выпили. Но Сергей даже не помнил за что.

Проснулся он на той самой широкой кровати под голубым покрывалом. И с брезгливостью снял со своей руки ногу Крышкина, который почему-то спал вместе с ним.

Весь ужас того, что произошло ночью, Сергей понял, когда, чисто механически щелкнув пультом, включил телевизор. На экране разворачивалась непонятная, противная до безобразия любовная сцена между двумя мужчинами. Сергей не сразу даже понял, что это тайно снятые на камеру Крышкин и он сам, Сергей.

– Как это понимать?! – возмутился он.
– А как хочешь, так и понимай! – хмыкнул Крышкин, который, оказывается, нежась в постели, тоже смотрел на экран.
– Да за это под суд можно отдать!
– Можно. Но не нужно. Потому что теперь, если ты рыпнешься, диск с этой записью появится и у твоих родителей, и у твоих товарищей.
– Вы подлец! – закричал Сергей. – Вы преступник!
– Да, но умный подлец и умный преступник, – сказал Крышкин.

И только тут Сергей понял, что вся сцена была снята таким образом, что Крышкин в кадре демонстрировал лишь свое тело, а Сергей – узнаваемо до безобразия и свое лицо.

К осени Сергей свыкся и со своей работой, и со своим положением. Крышкин каждый месяц демонстрировал ему его банковский счет, куда аккуратно перечислялись немалые суммы денег.

Как понял Сергей, его функция заключалась в создании новых химических добавок к фирменному алкогольному напитку. Каждая из этих добавок активно влияла на одну из сфер головного мозга. И в результате после употребления алкоголя у человека активизировались или, наоборот, притуплялись те или иные функции.

В конце лета на территории их режимного объекта появилось еще одно наскоро построенное одноэтажное здание с решетками на окнах. И, как видел Сергей, туда завезли с десяток мужчин и женщин.

Крышкин называл их испытателями. И, как понял Сергей, именно эти люди, которые никогда не выходили из здания, и были главными дегустаторами.

А однажды ночью, выглянув в окно, Сергей увидел, как из барака испытателей двое охранников вынесли носилки с явно неживыми людьми.

Сергей понял, что эксперименты, за которые ему платят немалые деньги, более чем опасны.

Но ни Крышкину, ни Крабу, ни кому-либо из сотрудников ничего говорить не стал.

Самое поразительное было в том, что ему самому все меньше и меньше хотелось возвращаться в Москву. Еду им с Крышкиным приносили в номер. Одежду стирали в прачечной. За них убирали. К их услугам были любые фильмы и книги. Но иногда, проснувшись среди ночи, Сергей ясно чувствовал, что эта его апатия связана с употреблением помимо его воли каких-то психотропных препаратов, обостряющих ум, но притупляющих волю. И это приводило его в ужас.

Глава 3

Мария Казимировна Печкина с тех самых пор, как пришла работать в фирменный ликеро-водочный магазин продавщицей, с завистью смотрела на директора и зама, которые могли себе позволить (и все об этом знали) давать всем своим знакомым в качестве презента красиво упакованные бутылки спиртного. Просто брали, что им хотелось, хоть самый дорогой коньяк, хоть беленькую, и дарили.

Кто знал, что события так повернутся, что, как только начнется разбирательство того, откуда в фирменном магазине взялась паленая водка, ее назначат исполняющей обязанности не кого-нибудь, а директора. Теперь специальные люди делали анализ содержимого бутылок каждой новой партии. И как только один из ящиков новой, только что прибывшей партии «Моей Московской», разлитой в фигурные бутылки, похожие на расписной терем, проверили на качество, первое, что она сделала, – это взяла презент для своего нового знакомого Василия.

У них с Василием, классным шофером и автомехаником, было как в песне: «Он в разводе, и она разведена». Притом он был разведен уже целых два раза, и у него от разных женщин подрастало двое сыновей. Но роман Марии Казимировны и Василия только начинался. И такой замечательный презент был как нельзя кстати.

У Василия был брат-близнец Владимир, который постоянно подтрунивал над своим младшим на несколько минут братом, которого называл «малой». И хотя сам уже пережил две свадьбы и два развода, считал, что кто-кто, а «малой» Василий совершенно не разбирается в женщинах. Но Мария Казимировна ему понравилась. И у них планировалась встреча. Владимир тоже собирался прийти туда со своей новой пассией.

Новая женщина Владимира, Катерина, как и Мария Казимировна, была статной, полногрудой и ярко крашенной блондинкой. Взглянув одна на одну, они даже глазам своим не поверили, насколько были похожи. Правда, Мария Казимировна была в широкой юбке годе и ярко-красной шелковой кофте, а Катерина, которая, как сказала, тоже работала в торговле, в новом джинсовом костюме.

Встречались они у Василия на съемной квартире, которая находилась неподалеку от Казанского вокзала. Особой мебели в квартире не было. Но «сексодром», как Василий называл свой застеленный чистыми простынями широченный двуспальный диван, был расстелен.

– И для кого такое футбольное поле раскинулось? Или мы по очереди голы забивать будем? – хмыкнул Владимир.

– Можем и вместе! По-шведски! – подмигнул Марии Василий.

Та зарделась не то от уже выпитой рюмки, не то и впрямь от смущения.

Когда презент в фирменной, похожей на терем бутылке кончился, Владимир предложил:

– А давайте на пальцах выкинем. На кого выпадет, тот первым себе пару выбирать станет и на сексодром приземлится.

И выпало на него. И он долго стрелял глазами, переводя взгляд с дамочки в джинсовом костюме на дамочку в красной шелковой кофте, чем смущал женщин и выводил из себя уже изрядно захмелевшего Василия.

– А я двоих хочу! – сказал наконец Владимир и добавил: – Хочу и могу! Девчонки, вы как?! Готовы оседлать такого, как я, мачо?!

– Готовы!! – вдруг в один голос, как они думали, просто ради хохмы выкрикнули Катерина и Мария.

Но хохма оказалась более чем драматичной, можно даже сказать, трагичной оказалась хохма.

Василий тут же психанул и, хлопнув дверью, буквально выскочил из квартиры. А когда вернулся через каких-то полчаса, его было не узнать. Он сел на стол, попытался закусывать

огурцами, но у него ничего не получилось. Василий вдруг побелел, упал со стула и забился в конвульсиях. А потом его начало рвать кровью.

Все испугались. Нужно было срочно вызывать «скорую». А вызывать «скорую» было страшно. Ведь все они были абсолютно пьяные. И без штрафа и оплаты лечения им не обойтись. А то еще, чего доброго, и милиция нагрянет.

Тогда не видать им своих у каждого уже насиженных теплых рабочих местечек как своих ушей.

– Может, пусть ляжет проспится... – предложила Мария.

– Если он заснет, то уже не проснется! – закричал Владимир и вдруг сообразил: – Мама!

Надо позвать маму.

И бросился к телефону.

– Мама! Привет! – проговорил он в трубку, стараясь удерживать голос в тонусе, чтобы мама не догадалась, что он пьян.

Но маму было не провести.

– Что, опять назююкался?! Маму он вспомнил!

– Мама! Тут все более чем серьезно! – прокричал Владимир. – Приезжай к Василию.

Ему очень плохо.

– Вы что, его напоили?! – возмутилась мама. – Ему же нельзя! Совсем, совершенно нельзя!

Мама тут же бросила трубку. В том, что она приедет, Владимир не сомневался.

– Мы тогда пойдем? – испуганно проговорила Катерина.

– Как хотите! – махнул рукой Владимир.

Мама, очевидно на такси, приехала буквально через несколько минут после того, как женщины, вызвав такси, ретировались.

Она бросилась к синееющему на глазах Василию и закричала:

– «Скорую»! Срочно!

– Мам, вызови лучше ты, – замямлил Владимир, – а то я, сама видишь, как бы не совсем трезв.

– Ты пьян, как и он! Но ему же вообще пить нельзя! Он же закодирован! – закричала мама, плеснув в лицо Василию минералкой, тем самым пытаясь привести его в чувство.

Потом она схватила телефонную трубку и, набрав номер «Скорой помощи», закричала:

– Немедленно! По адресу...

Владимир поспешил назвать адрес.

– У мужчины явное химическое отравление.

Когда приехала «скорая», они, увидев, как выворачивает Василия, не стали даже писать, что он пьян.

– Если напишем, что пьян, с ним никто возиться не будет, а тут явная химия! – заметил молодой врач. – Наверняка какой-то гадости в подворотне наакался.

– Мы вообще-то пили за столом, и только фирменную. «Мою Московскую». И всем нормально. Только его так скрутило.

– Может, просто у каждого особая реакция, – предположил врач, выходя вслед за санитарями, которые уносили носилки с время от времени вздрагивающим в конвульсиях Василием. – Кому-то на желудок, а кому-то на мозги капает!

Мать поехала вместе с Василием в больницу.

В реанимации его едва откачали. Назавтра японский зонд показал, что и пищевод, и желудок, и даже кишечник у Василия обожжен до крови.

Двое суток его держали на капельнице. Но сказать, что появилась, как говорится, положительная динамика, было нельзя.

Тем временем следователь, который вел сразу несколько дел об отравлении москвичей паленой водкой, вел допрос с пристрастием.

И Мария Казимировна вынуждена была признаться, что попросту украла подарочную бутылку «Моей Московской» из проверенного химиками ящика.

– И нам же всем хорошо было, ведь правда? – проговорила она, растерянно оглядываясь на Владимира и Катерину.

Те кивнули в знак согласия.

– Мы все пили из одной и той же бутылки, – сказал Владимир.

– Так может, Василий выходил куда-нибудь? – уточнил следователь капитан Рожкин, который отличался среди коллег особой дотошностью.

– А, выходить выходил, да, – вспомнила Мария. – Он обиделся и выходил...

– Может, ему на вокзале, в подворотне какой кто налил какой гадости! – заметил Владимир, лучше других зная привычки своего брата.

– Надо у него спросить... – предложила Катерина.

– Если бы он хоть что-нибудь помнил! – раздосадованно проговорил врач. – Даже предположительно не скажешь, что, где, когда...

– И почему... – добавил Владимир.

– У него практически весь пищевой тракт сожжен, – проговорил доктор, – язва на язве...

– Но нам же вот ничего... – пожал плечами Владимир.

– Чего или ничего, вы узнать можете через несколько суток. Когда у вас вместо оргазма облом случится. Тогда вы не только на своей шкуре, но и на самом главном мужском достоинстве почувствуете, что такое паленая водка.

– А что, она, что ли, на это действует? – многозначительно проговорил Владимир.

– Она, бывает, на эти дела больше, чем на все остальные, действует...

– Ну дела... – покачал головой Владимир.

– Вон послушай, что умные люди говорят! – сказала Катерина, чуть подтолкнув Владимира задом.

– Отстань! – раздраженно отмахнулся Владимир.

– Ну, отстань так отстань... – обиженно хмыкнула Катерина и отошла в сторону.

– Имейте в виду, мы вашу бутылку водки «Моя Московская», ну, ту самую, которую вы, Мария Казимировна, из ящика вытащили, просто вынуждены будем провести по протоколу.

Мария Казимировна, похоже, растерялась и тихо заметила:

– Но она же вроде как нормальная была...

– Нормальная, ненормальная... Экспертиза покажет, – заметил следователь и добавил: – Мы все ваши продукты на проверку взяли: и колбасу, и огурцы, и даже хлеб.

– Хлеб? – удивился Владимир. – А минералку вы проверили или нет?

– И минералку проверим, и даже посуду... Такое серьезное пищевое отравление на пустом месте не бывает.

– Но почему же нам всем ничего, а он один в реанимации? – продолжал наступать Владимир.

– Разберемся, во всем мы разберемся... – заверил следователь.

В палату к Василию никого, кроме матери, не пускали. Она же, увидев посеревшее лицо сына, который все еще лежал в реанимации под капельницей, не сдержалась и зарыдала.

* * *

У следателя Рожкина была на этот счет своя версия, которую он пока что никому не озвучивал. Дело в том, что в тот самый день, когда отравился Василий, в арке у Казанского вокзала обнаружили труп бомжа, в руках у которого была недопитая бутылка «Моей Москов-

ской», правда, не в сувенирной, праздничной, а в обычной пол-литровой бутылке. И уже были получены результаты экспертизы. В бутылке был, мягко скажем, некачественный алкоголь, а проще – паленая водка.

Когда капитан Рожкин начал расспрашивать дежуривших на вокзале милиционеров, один из них признался, что заметил, как Татарин, как звали бомжа, направлялся в эту арку с двумя мужчинами. Один в военной форме, другой в сером свитере и домашних тапочках. Что-то подтолкнуло Рожкина (он сам иногда удивлялся своей интуиции), и он показал милиционеру фотографию Василия. Ведь когда тот разозлился на Владимира и выскочил на улицу, на нем действительно были серый свитер и домашние тапочки. И Василий вполне мог захотеть добавить, а поскольку он был уже выпивши, ему было совершенно все равно, с кем и где это сделать. Как ни удивительно, милиционер узнал его. Именно Василий действительно был третьим в компании Татарина и военного. То есть можно было предположить, что они сообразили на троих и Василий отравился той самой водкой, от которой погиб Татарин.

Бомж по кличке Татарин был хорошо известен местной милиции. Несколько лет назад его даже задержали по обвинению в соучастии в организации ограбления.

Были свидетели, которые утверждали, что именно Татарин подпоил и отвел на снятую на сутки квартиру возвращавшегося в часть из отпуска солдатика, которого назавтра нашла хозяйка съемной квартиры не только без денег, но и без его формы и без документов. Солдатик ничего не помнил и никого не узнал. Татарин свою вину напрочь отрицал. Но его отпустили, скорее всего потому, что он помог по наводке или просто случайно выйти на более серьезных преступников. И возможно, и теперь он тоже работал сразу на несколько фронтов.

Этим делом, как случайно узнал у одного своего знакомого капитан Рожкин, занималось ГРУ. В последнее время сразу в нескольких российских городах орудовала целая банда преступников. Они грабили солдат и офицеров и забирали у них документы и форму. Потом эта форма и документы использовались для провокаций на Кавказе и в других горячих точках. И действовал этот детонатор народного гнева безотказно.

Ограбят где-нибудь в дальнем горном селе стариков или убьют с особой жестокостью, изнасилуют местную девушку, а на месте преступления находят убитого мужчину в военной форме российской армии, да еще с документами. Лицо, как правило, так обезображено, что не узнаешь. И так все обставлено, что сомнений не остается: российский военный и есть преступник. Случаи эти происходили в разных городах и селах, поэтому не сразу их свели воедино и поняли, что это провокации, за которыми стояли даже не местные боевики, а те, кому было выгодно поддерживать нестабильную обстановку в регионе. Ведь на каждый такой случай местное население реагировало адекватно. Зуб за зуб, кровь за кровь. Кровная месть. Раз русский солдат виноват, то мстили всем русским без исключения, порой не жалели ни детей, ни женщин, ни стариков.

Но один дотошный местный страж порядка, когда обратились к родственникам, а те сказали, что их сын, документы которого были у трупа, жив-здоров и только что звонил, спросил у них: «Может, терял он свои документики?» Выяснилось, не просто терял, а их у него вытащили. И теперь их сыну даже было назначено какое-то там наказание. Тогда милиционер проявил смекалку и проверил по Интернету еще несколько найденных у трупов при подобных обстоятельствах документов. И они тоже были утеряны или украдены. Как только эти сведения попали в ГРУ, там вплотную занялись расследованием этих дел.

И товарищ Рожкина обращался к нему с просьбой отслеживать подобные случаи.

Так что случай на вокзале с Татаринцем, Василием и неизвестным военным вполне мог быть из той самой цепочки. Капитан Рожкин, включив элементарную логику, поинтересовался, не поступали ли за последние сутки сведения о пропавших в Москве в районе Казанского вокзала военнослужащих, о неопознанных трупах или больных, оставленных на съемных квартирах.

Очень скоро через свои каналы Рожкину удалось узнать, что действительно в одно из районных отделений милиции поступили сведения о том, что в Н-ской подмосковной части пропал военнослужащий, последний раз которого видел его товарищ на Казанском вокзале. А в больницу Склифосовского был доставлен неопознанный молодой человек с тяжелейшим отравлением, по всем признакам совпадавшим с тем, с которым поступил в больницу Василий.

Солдат срочной службы Миша Шишков еще лежал под капельницей и не пришел в себя, а во всероссийский розыск были отправлены сведения о возможном появлении трупа с документами на имя Михаила Константиновича Шишкова.

И когда такой труп действительно в скором времени появился возле жестоко истерзанной девушки на улице одного из небольших горных селений в Закавказье, ГРУ наконец практически смогло взять след банды.

Капитан Рожкин даже получил благодарность за бдительность. Однако вопросами организации провокаций в Закавказье должно было заниматься ГРУ. Для Рожкина сейчас было самым важным выяснить, откуда Татарин (а угощал всех троих явно он) взял паленую водку. Хотя вполне возможно, что водку эту, не просто паленую, а с определенным включенным в нее химиками заказом отключать память, дали Татарину те, кто «заказал» ему солдата. Но что-то, очевидно, не сработало или сработало не так.

Хотя, как человек педантичный, привыкший прорабатывать все версии, капитан Рожкин не исключал и варианта, что в этот раз для организаторов важным было убрать всех возможных свидетелей, в том числе и Татарина. Тем более если он действительно «постукивал» на бандитов. А может, даже стал ключевым звеном цепи, которую раскручивало ГРУ. Ну а Василий, ясное дело, оказался в компании Татарина и солдата по чистой случайности.

Взвесив все возможные варианты, капитан Рожкин решил поговорить с дежурными стражами порядка на всех московских вокзалах. Его интересовали бомжи или «путешественники», которые предлагают водку, и особенно настойчиво солдатам и офицерам.

И на Киевском вокзале ему повезло. Внимательный и дотошный молодой лейтенант Котиков прямо из окна своего кабинета показал капитану Рожкину такого человека. Был это почти пацан в подданных джинсах и синей куртке, с взъерошенными рыжими волосами.

Он прохаживался по платформе с сумкой через плечо.

– Он у меня в личной разработке, – гордо сказал лейтенант Котиков, – я приказал, чтобы его без меня не брали.

– А может, я тебе его спровоцирую, чтобы поскорее ты его, как говорится, оприходовал?..

– Это как? – не понял лейтенант Котиков.

– Ты солдата мне найди! Или офицера. Одним словом, военного.

– Не понял...

– Да сходи в зал ожидания или на перрон, найди человека в военной форме и приведи сюда.

– На живца, что ли, брать будем?

– Что-то вроде того... – кивнул следователь Рожкин.

– Так может, чтобы не спугнуть, вы сами сходите и найдите, кто вам нужен.

– Нет, мне нельзя светиться. В качестве, как ты выражаешься, живца не солдат, а я буду действовать. Так что мне надо, чтобы, главное, форма подошла.

– Вы?! – удивился лейтенант Котиков, окинув взглядом коренастую, широкоплечую фигуру капитана Рожкина.

– Ну да, а что ты так удивляешься, лейтенант?

– Да нет, ничего... – пожал тот плечами.

Через несколько минут в дежурку вошел лейтенант Котиков, строгий, можно даже сказать, суровый, и вместе с ним розовощекий молодой солдатик.

– А в чем, собственно, дело? – спросил солдатик с волнением.

– Проверка документов, – сказал лейтенант Котиков.

– Следователь по особо важным делам капитан Рожкин, – представился Рожкин и почти приказным тоном сказал: – Мы проводим секретную операцию, и для ее выполнения мне необходимо переодеться в твою форму.

– А я? – удивился солдат. – У меня поезд через три часа.

– Три часа погуляешь по вокзалу в штатском, – сказал следователь.

– Я на Красную площадь хотел сходить... – замялся солдат.

– Это не запрещается, – весело сказал следователь Рожкин, сбрасывая куртку.

Через некоторое время из дежурки вышли следователь Рожкин в полной солдатской амуниции и переодетый в его штатское солдат.

Следователю Рожкину теперь предстояло как можно правдоподобнее исполнить роль солдата-срочника.

Рожкин вышел на платформу, вальяжно и гордо прошелся туда-сюда, а потом сел на лавочку и, достав сигарету, начал стрелять глазами, у кого бы прикурить. Ждать, пока рыжий парень в синей куртке его заметит, у него не было времени, и поэтому он сам подозвал его:

– Эй, рыжий, дай прикурить!

Рыжий заинтересованно зыркнул на солдата глазами и, подойдя, достал зажигалку.

Закурив, Рожкин вздохнул:

– Если б еще сейчас глоток водочки, я б стал абсолютно счастливым!

– А ты куда? Домой или из дому? – поинтересовался рыжий.

– Из дому. Разве не видать?

– Так а как же ты в часть да пьяный?

– Чего пьяный... я проспуюсь... Я так, глоток бы глотнуть где в подворотне. А там еще три часа до поезда. Не знаешь, где здесь можно отовариться?

– Ну, я могу тебе дать выпить. Только пошли отойдем...

– Пошли, – кивнул Рожкин.

Когда они зашли в подъезд одного из ближайших домов, рыжий достал из сумки бутылку и протянул Рожкину, который отлично справлялся с ролью солдата.

Рожкин, умеющий профессионально притворяться пьяным, взял бутылку, отвернулся к стене и сделал вид, что отпил несколько глотков. После того тут же закатил глаза и пошатнулся.

– Эко тебя сразу развезло... – покачал головой рыжий, подхватив под руки Рожкина и набирая на своем мобильнике номер, который Рожкин, делающий вид, что находится в невменяемом состоянии, тут же зафиксировал в своей памяти.

– Клиент готов, – сказал рыжий.

И буквально через пару минут сверху спустился здоровенный амбал, взвалил Рожкина на плечо и потащил наверх.

Рожкин зря времени не терял и вытащил из заднего кармана у амбала пистолет. И когда рыжий отпер дверь и они все оказались в прихожей, Рожкин, почувствовав, что в квартире никого, кроме них троих, нет, действовать начал решительно и резко. Стоило амбалу положить Рожкина на пол и попытаться стянуть с него куртку, как тот наставил на него пистолет. Амбал настолько растерялся, что даже не стал выяснять, кто и почему тычет в него его собственным пистолетом.

Рыжий, почувствовав, что пахло жареным, тут же поспешил ретироваться.

Капитан Рожкин, применив несколько хитрых приемов, уложил амбала на пол, затянул ему руки веревкой, которую, очевидно, преступники готовили для него, и, угрожая пистолетом, прокричал прямо в ухо:

– Говори, кому потом должен был сдать форму?

Амбал молчал.

– Запомни, этим делом занимается ГРУ! И я сейчас замкну цепочку на тебе, и загремишь ты как организатор!

– Да не знаю я кому, знаю только куда! – закричал амбал.

– Говори, куда! – приказал капитан Рожкин.

– В ячейку на вокзале. На Киевском.

– Номер ячейки!

– Пятая! – простонал амбал и попросил: – Да отведи ты пистолет, гражданин начальник!

Не тычь мне им в нос!

– Шифр!

Амбал назвал.

– А водку кто где давал?

– Водку – это не мне, это рыжему...

– А если подумать?! – опять наставил на него пистолет капитан Рожкин.

– Да там, в ячейке... Водку я должен в ячейке забрать...

– В чем ты обычно носил форму в ячейку? – спросил капитан Рожкин.

– В сумке. Здесь. В коридоре. Красная.

Рожкин оглянулся и увидел, что на полу стоит расстегнутая и приготовленная огромная спортивная зеленая сумка. А красная, тоже спортивная и вместительная, находится в шкафу. Об этом финте современных наркодилеров и бандитов он уже был наслышан. Если вдруг готовится подстава, сумка кладется в сейф красная. А если все чисто – синяя или зеленая. Обычно за ячейкой с особо ценным грузом всегда есть смотрящий. И этот смотрящий обязательно заметит, если в ячейку поставят сумку, предупреждающую об опасности. И тогда за ней никто не придет.

Капитан Рожкин покачал головой и взял не красную, а зеленую сумку.

– Тебя выпущу, когда сделаю дело! Не бузи и не делай глупостей! Тогда тебе зачтется, – сказал он амбалу и, проверив, надежно ли сцеплены у него руки, забрал висящие у входа ключи и сначала захлопнул, а потом запер дверь на еще один замок. С этой сумкой он и отправился на Киевский вокзал.

Сначала зашел в дежурку, где его уже дожидался солдат, с которым он поменялся одеждой.

– Ну что, Красную площадь посмотрел? – спросил он у него весело.

– Посмотрел, – кивнул солдат, не скрывая напряжения, – но мне же до поезда всего ничего, каких-то полчаса осталось...

– Тогда давай в темпе, переодеваемся и вперед! – махнул он головой.

А когда солдат, натянув форму и поправляя на ходу куртку, рванул к двери, капитан Рожкин крикнул ему вдогонку:

– Считаю, мальчик я тебя от смерти спас.

– Ну что, словили кого-нибудь? – поинтересовался лейтенант Котиков.

– И не одного, – пожал плечами капитан Рожкин и скомандовал: – А теперь быстренько найди мне какую куртку, одеяло, что-нибудь посолиднее.

– Зачем? – не понял лейтенант Котиков.

– Пока что это секрет. Как только можно будет поделиться информацией, обо всем тебе доложу. А пока что делай и не задавай лишних вопросов.

– Есть, – почему-то по-военному ответил лейтенант Котиков и достал из шкафа сложенное толстое байковое одеяло.

Капитан Рожкин запихал его в зеленую сумку и, застегнув ее, осмотрел оценивающим взглядом.

– Ладно, сойдет, – махнул он рукой и добавил: – А ты, лейтенант, пошли за мной, и глаз не будешь спускать с пятой ячейки.

– А что там в ней? – поинтересовался лейтенант.

– Главное, не что в ней, с этим я и сам как-нибудь разберусь. Главное, кто придет за тем, что в ней, – сказал капитан Рожкин. – Я потом тебя сменю. Нужно будет подольше понаблюдать. Может, кто-то явится не только забрать, но и поставить, положить туда что-то. Проследишь за ним и мне обо всем доложишь.

С этими словами он вышел из дежурки и направился к ячейкам. Набрал шифр и открыв железную дверцу под номером пять, он достал из нее дипломат, в котором, похоже, действительно были бутылки. А на его место поставил зеленую сумку. И опять закрыл ячейку.

Краем глаза он заметил, что лейтенант Котиков уже на посту.

Он быстрым шагом направился в туалет и там на подоконнике проверил содержимое дипломата. Там действительно было пять бутылок с этикеткой «Моя Московская».

Но тут ожил его мобильник. Звонил лейтенант Котиков.

– Тот, что забирал сумку, поставил туда дипломат. Я за ним слежу. Он направляется к стоянке такси, – сказал он.

– Хорошо, – ответил капитан Рожкин. – Возьмешь у меня дипломат, заберешь в дежурку, а следить буду я.

– У него в руках зеленая спортивная сумка, – напомнил лейтенант Котиков.

– Да уж помню, – хмыкнул капитан Рожкин.

Еще из окна он заметил на стоянке такси человека с зеленой спортивной сумкой. Это был щуплый молодой человек в серой куртке с натянутым на голову капюшоном. Направляясь к нему, капитан Рожкин по дороге передал свой дипломат лейтенанту Котикову. А сам не спускал глаз с человека со спортивной сумкой.

Человек с сумкой подошел к одной из машин такси и явно с кавказским акцентом проговорил:

– Шереметьево.

Капитан Рожкин, сев в следующую машину, показал водителю свое удостоверение и попросил ехать в аэропорт строго за предыдущим такси.

В аэропорту капитан Рожкин заметил, как мужчина, которого он преследовал, передал сумку миловидной блондинке баскетбольного роста. Похоже, та летела в составе команды.

Мужчина, передавший сумку, никуда не уходил. Он внимательно следил за тем, как девушки-баскетболистки проходят контроль.

Капитан Рожкин заметил, что девушки летят в Адлер. И пока они туда долетят, ему ничего не стоило передать своим коллегам, чтобы они проследили или провели допрос с пристрастием одной из членов команды. Скорее всего, девушка была просто случайным звеном всей цепочки.

Сам же капитан Рожкин направился с человеку, который ставил дипломаты с паленой водкой и забрал сумку.

– Пройдемте со мной, – проговорил лейтенант Рожкин, крепко ухватив человека в капюшоне за руку и предъявляя ему удостоверение.

Чернявый мужчина сначала дернулся, а потом заговорил на каком-то незнакомом наречии, делая вид, что не понимает.

– Не придуривайся! – остановил его капитан Рожкин. – Я слышал, как ты говорил с таксистом по-русски.

Лейтенант подозвал наряд милиции и попросил доставить «не говорящего по-русски» мужчину к ним в следственный изолятор.

Сам же, как только добрался до своего кабинета, перезвонил своим коллегам в Адлер и попросил проследить за девушками-баскетболистками, прилетающими из Москвы.

И уже к вечеру ему сообщили, что девушка-баскетболистка действительно была случайным звеном. Но они следят за теми, кому была передана зеленая спортивная сумка, и, как

только будет получена информация, тут же сообщат об этом лейтенанту Рожкину. Но тот просто органически не мог больше ждать. И упробил-таки своего товарища из ГРУ командировать его на помощь своим коллегам.

Глава 4

Борис Рублев был немало удивлен, когда в аэропорту, ожидая, когда объявят посадку на самолет Москва-Адлер, заметил капитана Рожкина. Тот, похоже, тоже собирался лететь в Адлер. Они с капитаном Рожкиным когда-то давно пересекались по одному довольно сложному делу, связанному с торговлей оружием, где фигурировали большие военные чины. И самое главное впечатление, которое оставили друг у друга, – это надежность. Капитан Рожкин, как запомнилось Рублеву, был сообразителен, умен и, главное, умел быстро принимать правильные решения. Если московский следователь по особо важным поручениям в октябре летел в Адлер, это, несомненно, было связано с каким-то важным расследованием.

В Адлер с Ангелиной Сойкиной они должны были вылететь еще вчера. Но Рублеву пришлось задержаться, нужно было обязательно уладить еще кое-какие свои дела. Сойкиной же оставаться в Москве было более чем опасно. Борис Рублев сдал свой билет. Они договорились встретиться с Сойкиной уже в Сочи.

По прилете она отзвонилась и назвала адрес одного из отелей, где остановилась.

– Что-то я не помню такого, – пожал плечами Борис Рублев, который отлично знал город Сочи, где ему не раз приходилось бывать и по делу и на отдыхе.

– Это из новых. Они строят и сразу сдают по дешевке. А поскольку сейчас еще и не сезон, то номер стоит копейки. Так что я и вам тут один забронировала.

– А почему вы не хотите меня приютить у себя? – попытался юморить Борис Рублев.

Но Ангелина не поняла юмора и даже, было слышно по голосу, чуть оскорбилась.

– Так я вас завтра жду, – сказала она.

– Только встречать не нужно, и вообще старайтесь поменьше выходить из гостиницы.

– Это не гостиница, это отель, – поправила его Ангелина и загадочно добавила: – У меня и здесь есть много интересного. Вот, например, сейчас я слежу за зеленой спортивной сумкой...

И Рублев по ее интонации понял, что Ангелина и без него занялась каким-то детективным расследованием.

– Ты там поосторожнее, не влипни куда-нибудь, – с тревогой предупредил Рублев.

– Не влипну. Прилетишь – звони, – отрезала Ангелина, тоже переходя на «ты».

Однако у Рублева на сердце было тревожно. И теперь, ожидая объявления рейса, он несколько раз набирал телефон Сойкиной. Но та была недоступна.

Когда объявили регистрацию на Адлер, капитан Рожкин тоже заметил и узнал Рублева. Он подошел и даже пожал ему руку. Хотя, если предположить, что за одним из них, а то и за двумя ведется слежка, это рукопожатие было небезопасно.

Уже в самолете, поменявшись местами так, чтобы сидеть рядом, они смогли поговорить начистоту.

– Не знаю, зачем летит в Адлер Комбат, – улыбнулся капитан Рожкин, – но лично я туда лечу за паленой водкой.

– Аналогично, – кивнул Комбат.

– Не понял... – удивился капитан Рожкин.

– Да есть тут одно дело.

– Ты всегда недоговариваешь, – пожал плечами капитан Рожкин.

– В этот раз я, по-моему, вообще ничего не сказал, – усмехнулся Комбат.

– Почему? Раз ты сказал «аналогично», значит, тебя тоже интересует паленая водка.

– Допустим, – неопределенно кивнул Комбат.

– Не хочешь – не говори. А я, наоборот, хотел бы услышать твой совет! – сказал капитан Рожкин. – О тебе, кстати, из ГРУ у меня спрашивали. Хотели попросить совета или помощи. Но ты же так засекретился, что не найти.

– Ладно. Полет долгий. Рассказывай, – кивнул Комбат, прикрыв глаза.

Он в последнее время всегда, когда куда-нибудь летел, делал так, чтобы чуть поностальгировать и вспомнить горячие дни своей боевой молодости, когда каждый взлет мог быть последним.

– Ты слышал о провокациях, которые организуются в некоторых горячих точках?

– В Закавказье?

– И не только.

– И какие именно провокации тебя сегодня интересуют? – уточнил Комбат.

– В каком-нибудь горном селенье вдруг обнаруживают трупы убитых с особой жестокостью стариков или изнасилованную девушку. А рядом – труп солдата российской армии, которого, по всем признакам, убил из мести кто-то из свидетелей или, может, даже сама жертва. Лицо изуродовано до неузнаваемости. А в кармане формы – документы на реально существующего солдата или офицера российской армии. Пока начинается разбирательство, местные уже объявляют священную войну и в буквальном смысле могут вырезать целые русские семьи. Иногда местные стражи порядка проявляют повышенную бдительность, проверяют, соответствуют ли документы трупу. Мне говорили, что в одной местности выяснили, что трупом оказался местный бандит, которого действительно убили местные. Но как и почему на нем оказалась форма русского солдата, неизвестно.

– Что-то слышал... – проговорил Комбат в задумчивости и спросил: – Но при чем тут паленая водка? Ты же сказал, что летишь в Сочи за паленой водкой.

– Да все дело в том, что с нее, с паленой водки, все и начинается.

– Это как?

– Где-нибудь на вокзале подпаивают молодого солдатика или офицера, стягивают с него форму, забирают документы – и все, ищи ветра в поле. Солдатика находят в чем мать родила где-нибудь под забором. В крови алкоголь. А где, с кем, чего и сколько он выпил, человек попросту не помнит. Все, что было до этого, помнит, а сам момент распития и ограбления будто стерт с памяти. Спецы в ГРУ говорят, что, очевидно, где-то начались эксперименты по производству модифицированной водки, созданной таким образом, что у человека вмиг отсекает ближнюю память. Дальняя остается, а ближней совсем нет. В результате этих бандитов практически невозможно обезвредить. Действуют они в самых разных городах. У них много денег, и им легко привлечь для выполнения того или иного поручения даже первого встречного. Поэтому очень сложно проследить всю цепочку. Этим делом вплотную занимаются в ГРУ. А я по чистой случайности, расследуя, как к нам попадает паленая водка, выяснил, что человек, положивший ее в ячейку, передал через абсолютно случайных людей зеленую спортивную сумку, в которой, как он был уверен, находится солдатская форма, в Адлер.

– Зеленая спортивная сумка? – повторил в задумчивости Комбат, вспоминая свой телефонный разговор с Ангелиной Сойкиной.

– За сумкой следят там, на месте, но я думаю, это опять же подставной вариант. Случайный человек за приличное вознаграждение доставляет сумку в Адлер, а там его встречают и передают сумку дальше и дальше. Где-то в этой цепочке, а может и в ее конечном пункте, производят алкоголь с определенной психической направленностью.

– Да, ну ты и закрутил... – покачал головой Комбат. – Мне кажется, все гораздо проще. Одни наживаются на паленой водке, другие на доставке военной формы и документов, третьи – на провокациях. Возможно, эти люди даже не знают о существовании друг друга.

– Возможно, – пожал плечами капитан Рожкин, – но в ГРУ считают, что за всем этим сидит опытный кукловод.

– Кто-то из шахидов?

– Да нет. Вполне европейской, еще вариант – китайской наружности, – сказал капитан Рожкин.

– И ты надеешься там, в Сочи, с ним встретиться? – скептически усмехнулся в усы Комбат.

– Нет, меня в данном случае интересует лишь след зеленой спортивной сумки, куда я вместо солдатской формы самолично закинул одеяло, – проговорил капитан Рожкин.

– Слушай, давай про спортивную сумку поподробнее, – попросил Комбат.

– А чего она тебя так интересует?

– Да так. Есть кое-какие предположения, – проговорил Комбат, не очень настроенный сразу рассекречивать свое знакомство с Сойкиной.

– Дело в том, что я занимался расследованием одного отравления паленой водкой. И когда оказалось, что один из пострадавших военный, я решил словить водочного дилера, как говорится, на живца.

– И неужели сам переоделся в военную форму? – спросил Комбат.

– Что поделаешь, пришлось, – пожал плечами капитан Рожкин. – Когда мне предложили выпить, а было это где-то в подъезде, я притворился, что отрубился. Здоровый амбал вздернул меня на плечо и потащил в квартиру. А там я его скрутил, выпытал, где находится их тайник. Он, представляешь, хотел меня облапошить, уверял, что форму нужно класть не в зеленую, а в красную спортивную сумку. А я эти фокусы дилерские знаю. Это – чтобы предупредить своих, что ячейка провалена. Но я сообразил, все упаковал в зеленую сумку. Выпытал у амбала номер и код ячейки. Оказался грамотный. Уверен, он все мне рассказал не из-за страха, что застрелю, а чтобы в будущем ему скостили за помощь следствию. Короче, в ячейке оказался дипломат с водкой. Потом химики ее исследовали, тоже оказалась паленой. Но мы этого чучмека засекли, арестовали и допросили с пристрастием. Сумку, в которую я вместо формы положил одеяло, он действительно передал случайному пассажиру, точнее, пассажирке. В Адлере как раз летела женская команда по баскетболу. Так вот, как он нам клялся, его дело было только переслать на какой-то номер эсэмэску, в которой сообщался номер рейса. Кто-то в Адлере должен был ее встретить. Ну а водку, которую он потом клал в ячейку, ему передавали в определенном месте, уже в дипломате. Правда, тут у нас случился облом. Когда мы вынудили его пойти на стрелку за новым дипломатом, ему, похоже, каким-то чудесным образом удалось предупредить своих. На встречу в кафе к нему никто не пришел. Зато амбал, который затащил меня в квартиру, на допросе назвал несколько явочных квартир. Он так надеялся на то, что суд учтет его сотрудничество со следствием, что, похоже, действительно рассказал все, что ему было известно.

– Это я понял! – кивнул Комбат. – Но что ты собираешься делать в Адлере?

– Главное – выяснить хотя бы несколько звеньев цепочки, а может, если повезет, найти одно, самое главное, за которое потяни – и сразу вытянешь всю цепочку.

– Оптимист ты, однако, Рожкин! – покачал головой Комбат, понимая, что, скорее всего, Ангелина Сойкина уже ступила на осиное гнездо.

Учитывая женское любопытство и далеко не мужскую логику, которой, судя по публикациям в прессе, отличается вся пишущая братия слабого пола, она могла успеть вляпаться по самые уши. После того как капитан Рожкин рассказал историю про зеленую сумку, Комбат почти уже не сомневался в том, что именно за этой сумкой где-то в Адлере взялась охотиться ретивая корреспондентка. И ему делалось все тревожнее.

Зная, что капитана Рожкина будут встречать его коллеги из местных правоохранительных органов, Комбат сразу предупредил его, что им лучше не демонстрировать местным, что они знают друг друга.

– По опыту знаю, – объяснил Комбат. – Раньше здесь именно в органах сидели, как ты выражаешься, кукловоды. И если ты для них будешь личность понятная, мне лучше остаться в тени.

– Да, я тебя понимаю, – кивнул капитан Рожкин. – Ты здесь прав. Связавшись с местными органами, я практически засветился. Но вместе мы параллельно с нашим делом сможем раскрутить и еще одно – изобличить милицейскую мафию.

– Ну, Рожкин, ты и оптимист! – покачал головой Комбат. – Хотя флаг тебе в руки. Но мне бы со своими делами разобраться.

– А если нужно будет выйти на контакт? – спросил Рожкин.

– Где я остановился, знаешь. Используй посыльных, разносчиков всяких напитков, пиццы и так далее. Захочешь – найдешь способ. И я найду. Но одну информацию я тебе все-таки должен оставить, – серьезно сказал Комбат.

– Какую? – в тон ему спросил Рожкин.

– Знай, что чуть раньше меня в Сочи отправилась одна корреспондентка, Ангелина Сойкина. Она тоже занимается водочной темой. Девушка она излишне борзая, так что в любое время может вляпаться во что-нибудь не очень хорошее. Если где-то услышишь о ней, дай знать.

Прилетев в Адлер, Комбат несколько раз набрал телефон Ангелины, но она была недоступна.

Капитана Рожкина, как и предполагалось, встретили его коллеги. И все они были в таком приподнятом настроении, что казалось, они повезут дорогого московского гостя не в свою сочинскую гостиницу, а в горы, на шашлыки. Так оно, собственно, и было. Но Комбата это уже не касалось. Он добирался до Сочи на такси.

Таксист, как ни удивительно, не из местных, узнав, что Комбат прилетел из Москвы, несказанно обрадовался и даже сказал, что довезет его до Сочи за полцены.

– Так приятно услышать родную московскую речь!

– Вы что, по двум моим фразам узнали, что я и родом из столицы? – удивился Комбат.

– Москвич москвича, как и рыбак рыбака, видит издалека! – улыбнулся водитель.

– Да, пожалуй, вы правы, – согласился Комбат.

– Вы думаете, что самая большая выгода для вас в том, что я вас отвезу на место за полцены? – усмехнулся таксист. – Самое главное в том, что я вас повезу к вашему отелю прямой дорогой.

– Что, сочинские таксисты умеют петлять, как московские? Или это вы из Москвы сюда эту моду привезли? – спросил Комбат.

– О, здесь, в Адлере, в Сочи, есть свои давние традиции, – покачал головой водитель, – а теперь, куда ни глянь, повсюду заборы. Где-то строят, где-то расчищают площадки... Пред-олимпийский Сочи – это просто идеальное место подзаработать.

– Но теперь, когда сезон кончился, наверное, приезжих стало меньше... – высказал предположение Комбат.

– Наоборот! Сейчас каждый старается вложить в здешнюю землю хоть рубль, хоть копейку, в надежде на то, что через несколько лет, во время Олимпиады, эти деньги превратятся в настоящее олимпийское золото. Сюда приезжают такие богатые люди, вам и не снилось!

– Но они-то на такси не ездят... – предположил Комбат.

– Еще как ездят! После каждой сделки – обязательно банкет в ресторане. А оттуда, хоть до отеля рукой подать, просят подвезти и их и охранников. Ну и везешь от души, когда час, когда два...

– Но это же, мягко говоря, нечестно, развод это... – пожал плечами Комбат.

– А если я повезу их короткой дорогой, они все равно попросят покатать по городу. Как купцы когда-то: «Поедем, Марфуша, кататься!» А уж если какую гулянку, горные шашлыки организуют, то машину снять хоть на сутки могут.

– Но ведь можно машину напрокат взять, – высказал предположение Комбат.

– На такси круче! – с улыбкой покачал головой таксист.

В отеле, адрес которого назвала Комбату Ангелина Сойкина, на имя Бориса Рублева действительно был заказан номер. Оформившись и взяв ключ, Рублев поинтересовался у полногрудой блондинки, которая настойчиво строила ему глазки, где остановилась Ангелина Сойкина.

– И что вы в ней, мужики, все нашли! – вдруг раздраженно проговорила враз изменившаяся в лице блондинка. – Вы уже третий, наверное, за день спрашиваете! Даже редактор газеты ею интересовался.

– А откуда вы знаете, что это редактор газеты? – уточнил Комбат.

– Так он мне удостоверение свое показывал. Тычет мне в лицо и кричит: «Почему вы не знаете своих постояльцев! Почему вы не заметили, с кем она ушла!» И вы, молодой человек, опоздали, ушла она. Но вам по секрету скажу, с двумя местными она ушла. Куда, зачем – не знаю. Она на вид как бы пьяная была, рукой мне помахала и пошла, шатаясь, к выходу. А за ней два местных, руки в брюки.

– Давно это было? – уточнил Комбат.

– Да пару часов назад, – сказала блондинка.

– Вы этих местных совсем не знаете? Никогда раньше здесь не видели?

– Нет, один сын нашей уборщицы. Как его звать, не помню. Но парень такой, палец в рот не кладет.

– А в каком номере все-таки Ангелина остановилась?

– В третьем, – сказала блондинка и сразу предупредила: – Но ключа у нас запасного нет. Вернется, тогда пожалуйста.

Но Комбат всегда жил в реальном времени. Оценив более чем скромную обстановку, он был уверен, что дверь сможет открыть любым ключом.

И он не ошибся. Однако первое, что он увидел, войдя в номер, – это красное пятно крови на зеркале, после которого почему-то стояла запятая и отпечаток ладони, похоже, ладони Ангелины.

Комбат осмотрелся и понял, что в номере что-то искали и, похоже, не нашли.

Еще немного подумав, он решил, что красное пятно крови на зеркале, запятая и отпечаток не столько ладони, сколько всех пяти пальцев, не просто случайная разрисовка, а ему, Комбату, послание. Чтобы понять его, он применил проверенный способ. Проговорил вслух то, что видит:

– Красное пятно, запятая, пять пальцев...

Ангелина явно сообщала ему что-то, о чем хорошо знали они оба. И уже выходя из номера, Комбат понял: Ангелина сообщала ему адрес: Красная, пять. Тот самый, который ему назвали в фирменном винно-водочном магазине. Именно оттуда, если верить заведующей, поступила паленая водка, которой отравились на свадьбе.

Оставив вещи в своем номере, Комбат вышел на улицу. К счастью, разговорчивый сочинский таксист-москвич стоял неподалеку в ожидании клиентов.

– Что такое? – удивился он. – Вы что, вот так вот сразу развернулись и назад?

– Нет, – покачал головой Комбат, прикидывая, как вести поиски Ангелины. – «Поедем, Марфуша, кататься!»

– По объектам или просто? – уточнил таксист.

– На Красную, пять, – сказал Комбат.

– На Красную так на Красную, – пожал плечами таксист. – Только там, насколько я помню, теперь ни одного живого здания нет, одни развалины и не то склады, не то мастерские какие-то.

– Значит, именно туда мне и нужно! – сказал Комбат.

Солнце начинало садиться. Раньше над всем сочинским пейзажем главенствовали горы. Величественные заснеженные вершины своим видом напоминали о вечном, были такой

желанной для глаза и души паузой в каждодневной курортной суете. Не хлебом единым... У кого у кого, а у гор был действительно олимпийский характер.

Но теперь, когда Сочи готовился к Олимпиаде, возносящиеся к небу олимпийские объекты и строительные краны своей самоуверенностью и нахальством подавляли даже горные вершины.

Изрядно попетляв по городу, они наконец нашли каменную ограду, на которой было написано «Красная, 5» и рядом – четкий свежий отпечаток женской руки. Значит, Ангелина действительно была где-то здесь. Расплатившись, Комбат вышел и отпустил таксиста. В это время года вечереть начинало рано, поэтому вокруг уже зажигались фонари. Один освещал улицу из-за забора.

Глава 5

Как только капитана Рожкина в аэропорту «Адлер» усадили в серебристый джип, кто-то из горячо, по-кавказски встречавших его мужчин протянул ему рог с настоящим красным вином, которое издавало просто божественный аромат.

– Спасибо, конечно, но на работе я не пью, – смутившись, но довольно твердо сказал капитан Рожкин.

– Э, московский друг! Ты попробуй! Это тебе не паленая водка, из-за которой ты сюда к нам прилетел! – сказал один из местных, коренастый черноусый мужчина средних лет, и, обращаясь к седовласому серьезному и довольно упитанному коллеге, который восседал на переднем сиденье, подмигнул: – Правда, товарищ генерал?

Тот только молча кивнул.

– На халяву не пьют только язвенники и трезвенники! – голосом Папанова подтвердил моложавый юркий парень.

– Ашот, это наш гость, и мы угощаем его от души, а не на халяву, – продолжил стиб черноусый.

Капитан Рожкин осмотрелся и понял, что в машине их всего человек пять, все стражи порядка, и все без формы, и все в приподнятом настроении.

Капитан Рожкин пожал плечами и сделал пару глотков. Вино было и правда божественным.

– Э! Так не пойдет, – остановил его попытку вернуть недопитое вино усатый, – Гарику еще никто недопитый рог не возвращал!

– А кто такой Гарик? – поинтересовался капитан Рожкин, чувствуя, как по телу разливается приятное тепло.

– Как, ты не знаешь Гарика?! – высокопарно произнес усатый. – Гарика знает все Сочи, а скоро будет знать весь мир.

– А меня с Гариком познакомите? – для самого себя неожиданно веселым тоном, когда машина уже тронулась, спросил капитан Рожкин.

– Конэшню! – кивнул усатый. – Гарик – это я.

– Очень приятно, – кивнул капитан Рожкин и представился: – Следовательно, капитан Рожкин.

– Да знаем мы, что ты Рожкин! Потому и даем тебе рог с вином. Заметь, не бокал, а рог! Целый рог отменного вина!

– Да, я уже успел его распробовать! Вино и правда отменное! – сказал капитан Рожкин.

– Ну, так и выпей, капитан Рожкин, на дорожку! – выкрикнул кто-то из мужчин.

– А как же я потом начальству представлюсь? – спросил капитан Рожкин.

– Да ты ж, капитан, ему уже представился, правда, товарищ генерал? – спросил Гарик. Седовласый, солидный мужчина на переднем сиденье опять молча кивнул.

В конце концов капитан Рожкин все-таки допил вино и, откинувшись на сиденье, как-то сразу провалился в сон.

Когда машина затормозила, Гарик потряс его за плечо:

– Эй, капитан, Рожкин, просыпайся, выходи, будем еще вино пить. Шашлык-башлык кушать!

– Какой шашлык? – спросонья не понял капитан Рожкин.

– Шашлык из молодого барашка. Отец Ашота сам его делал.

– Не понял, а мы где? – спросил капитан Рожкин, выходя из машины. – Мы же в Сочи ехали. А куда вы меня привезли?!

Солнце уже почти скрылось за горами, и все вокруг постепенно окутывал таинственный полумрак. Джип, в котором они приехали, стоял во дворе довольно солидного, вполне современного особняка, окруженного высоким кирпичным забором.

Во дворе явно поработал модный дизайнер. Но делалось все под заказ, в, как теперь говорят, этностиле. Кроме выложенных камнями дорожек, альпийских горок, искусственного пруда с подсветкой и прочих модных в Европе ландшафтных наворотов, были чисто кавказские акценты. Самое почетное место было отведено, конечно же, мангалу, возле которого уже колдовал довольно упитанный мужчина лет шестидесяти. Аромат от мангала исходил необыкновенный.

– Ну что? Еще вина или уже под шашлык?! – спросил Гарик.

– Подождите, так мы не в Сочи? – спросил капитан Рожкин, которому по прилете сразу обязательно нужно было отзвониться в Москву и получить необходимые ЦУ, а по возможности еще и встретиться с Комбатом. Вылетая из Москвы, к сожалению, он не успел прочитать и проанализировать данные на всех самых значительных здесь стражей порядка. Но для этого ему надо было уединиться хотя бы на несколько часов в отеле.

Ориентировки на местное увэдэшное начальство у него были качественные, не только с биографиями, но и с психологическими портретами. И в седовласом генерале капитан Рожкин сразу узнал генерала Власова. Мать у него была из местных, а вот отец русский. Генеральские погоны он заслужил в одной из горячих точек. И, примеряясь к мирной жизни, не мог избавиться от непреодолимого желания рисковать. У него были давние завязки с Москвой. И очень часто он проводил операции, в которых участвовали и русские, и украинцы или, скажем, татары, грузины.

Приглядываясь к сидящим в джипе людям, капитан вначале еще пытался обозначить для себя, кто есть кто, и ему страшно хотелось влезть в свою барсетку и перечитать распечатанные для него в Москве странички с ориентировками. Но для этого просто необходимо было поскорее добраться до отеля и остаться наедине с самим собой.

Шашлыки, да еще с выпивкой, никак не входили в его планы. Но поскольку отвязаться от хлебосольных кавказцев не представлялось никакой возможности, он решил действовать так, чтобы извлечь максимум выгоды из сложившейся не совсем стандартной ситуации.

А тем, кто с ним ехал, нужно было хотя бы на время выключить его память. И потому, что после вызванной выпитым вином отключки капитан Рожкин не нащупал в барсетке те самые выданные ему в Москве ориентировки.

Обхитрить этих служителей порядка в штатском было, конечно, сложнее, чем, скажем, пытающихся напоить тебя бандитов. Но капитан Рожкин решил, что главным союзником здесь ему будет темнота, которая становилась все гуще и гуще.

Объективно оценив обстановку, он пришел к выводу, что, хотя и зажглись разноцветные невысокие наземные фонарики, у дома достаточно неосвещенных и плохо освещенных мест, где можно сделать вид, что пьешь, а вино выплеснуть. Даже если рядом будет стоять кто-то из этой местной компании, вряд ли поймет суть фокуса.

Для местных стражей порядка, как сразу понял капитан Рожкин, главной задачей было напоить его, и все для того, чтобы узнать побольше о цели его визита и о тех сведениях, которыми он владеет. Сам же капитан Рожкин хотел узнать как можно больше о местной милицейской мафии. В том, что мафия эта существовала и (у капитана Рожкина было на этот счет подозрение) была связана с Москвой, сомнений не было. И теперь, в преддверии Олимпиады, не только бандитские группировки, но и местное милицейское начальство, несомненно, делило сферы влияния. И если удастся это выявить, появится возможность держать ситуацию под контролем. Хотя, как уже давно догадывался капитан Рожкин, нет ни одного денежного места в России, а может, и в мире, которое бы «крышевали» только местные. Несомненно,

за всем этим стояли и московские кураторы из МВД, ФСБ, а может, и ГРУ. При этом никогда не скажешь сразу, это такой способ держать под контролем все бандитские группировки и грамотно управлять их действиями или все-таки способ пожить. Сколько рассказывали о том, как ретивые следы собирали компромат на какую-нибудь шишку из главного управления. А потом оказывалось, что они сорвали какую-то сверхсекретную операцию. Но капитану Рожкину все равно хотелось дойти до конца. И узнать все, что только возможно. И уже потом решать, как распорядиться полученной информацией.

При всяком расследовании или разведдеятельности есть минимум два способа добычи информации – активный, то есть расспросы и допросы, и пассивный, то есть наблюдение. Капитан Рожкин, которого местные принимали в качестве гостя, в данное время, чтобы не вызвать лишних подозрений, мог использовать лишь пассивный способ. Но при возможности, конечно, задавал вопросы.

Капитан Рожкин очень четко зафиксировал в памяти, что восседавший на переднем сиденье седовласый генерал Власов не просто тепло, а горячо, с рукопожатиями, объятиями поздоровался с хозяином этого коттеджа, отцом самого молодого из всей милицейской компании – Ашота, и не удержался, спросил у того:

– Ашот, у вашего отца просто-таки военная выправка. Он еще служит?

– Нет, – покачал головой Ашот, – он бывший генерал КГБ.

– Ну, в нашей сфере нет бывших, – заметил капитан Рожкин.

– Так он нам и сейчас очень помогает, – гордо сказал Ашот, – отцу из Москвы постоянно звонят. Он просто-таки ходячая энциклопедия. А теперь, на пороге Олимпиады, ему цены нет.

– А вы сами где учились? – поинтересовался капитан Рожкин.

– В Москве, – продолжал гордо вещать Ашот, и сразу стало понятно, что для него не очень-то существенно, какую профессию получать. Главное, в Москве.

– Ясно, – кивнул капитан Рожкин и, заметив, что генералу Власову кто-то звонит на мобильник, аккуратно стал двигаться к мангалу, возле которого генерал о чем-то горячо беседовал с отцом Ашота.

– Вы меня почему-то не помните, – продолжал Ашот, – а я, кстати, у вас в отделении практику проходил.

– Да ну! – удивленно проговорил капитан Рожкин, сделав вид, что внимательно слушает ностальгические воспоминания Ашота, который каждый свой рассказ о новом деле начинал словами: «А помните...» Но капитан Рожкин, делая вид, что внимает его воспоминаниям, улыбался, смеялся, грустил вместе с Ашотом, а сам внимательно вслушивался в то, что говорил генерал Власов и что говорили генералу Власову по телефону.

Уже слегка захмелевший Ашот, погрузившись в воспоминания, не обратил внимания на то, как капитан Рожкин вдел в ухо наушник. Это была одна из последних разработок московских Кулибиных из УВД. Наушник был связан с вделанным в обычный мобильный телефон хитрым устройством, которое позволяло прослушивать разговоры по мобильному в довольно приличном радиусе. И теперь, внимательно глядя в глаза Ашоту и время от времени кивая ему, капитан Рожкин слушал совсем другой разговор.

– Здравия желаю, товарищ генерал, – очевидно, ответил на приветствие из Москвы генерал Власов.

– Ну что, как там наш птенчик? Прилетел?

– Птенцы, товарищ генерал, не летают! А вот капитан Рожкин, этот да, этот прилетел.

– Встретили?

– Встретили, по высшему протоколу.

– И чем занимаетесь?

– Шашлык жарим.

– Шашлык дело хорошее. Я шашлык люблю.

– Так прилетайте, товарищ генерал! Заодно и со своим подопечным пообщаетесь, так сказать. В неформальной обстановке.

– Легко сказать. Работы много. Но в скором времени обязательно наведаюсь! – пообещал генералу Власову его московский коллега.

– Ждем. Только предупредите. Отец Ашота вам молодого баранчика зарежет.

– Спасибо. Привет ему передавайте. Агенту Барсу.

– Хорошо, – кивнул местный седовласый генерал и, повернувшись к отцу Ашота, сказал: – Тебе от Тигра привет.

– И ему передавай, – кивнул отец Ашота. – От Барса.

– Вам привет от Барса, – передал седовласый генерал.

А капитан Рожкин понял, что этот голос московского генерала по кличке Тигр он определенно где-то слышал.

– Вы там хорошо поняли вашу задачу? – спросил московский Тигр.

– Поняли, – кивнул генерал Власов.

– Постарайтесь, чтобы этот ретивый капитан Рожкин не сунул свой нос куда не следует.

– Да.

– И узнайте, что ему известно. И вообще, по возможности контролируйте его. Он один прилетел?

– Да.

– Странно... Ну да ладно.

– А что нам с этой Сойкиной делать, с этой ретивой журналисткой, которую мы случайно окольцевали?

– Напомните мне, чем она там перед вами провинилась?

– Да вздумала следить за одним нашим агентом. И теперь, боюсь, слишком много знает.

Ради безопасности я бы даже убрал ее.

– Если убирать, то только как бы случайно! У нас на кону слишком большие деньги. И пока что за ними не должно стоять никаких трупов, – предупредил московский генерал, работающий под псевдонимом Тигр.

– Да это ясно!

– Пусть сидит, где сидит, – проговорил Тигр, – слишком любопытная. А за любопытство любопытной Варваре нос оторвали. Ее будут искать. Нам важно выяснить, кто захочет выйти с ней на контакт. Вашим делом активно заинтересовалась Москва. Эта Сойкина – мелкая рыбешка, но она будет отличной наживкой для более крупной рыбы.

– Почему вашим, когда нашим делом... Вы ведь тоже в доле, – проговорил местный седовласый генерал.

– Можно об этом потом? А теперь будьте максимально внимательны. Имейте в виду: наши телефоны могут прослушиваться. Так что никаких имен и адресов. И названий продукта тоже.

– Но вы знаете, что банк РО через посредников практически выкупил ММ, – сообщил местный седовласый генерал своему московскому коллеге.

– С РО мы уже разобрались. Подставили по самое «не могу». С дня на день ждем ареста руководителя.

– И как это вам удалось?

– Это уже другая история. Вы лучше присматривайте там за вашей птичкой в клетке и за нашим Шерлоком Холмсом.

– Да все у нас, как говорится, под колпаком, под надежным колпаком, – проговорил генерал Власов.

Подслушивая телефонный разговор с Москвой, капитан Рожкин не забывал делать вид, что он изрядно захмелел. И даже отключив наушник, он, помахав Ашоту, пошел к кустам и

сначала присел, а потом и прилег на лавочку. Он это место выбрал не случайно. Он заметил, что именно туда направился усатый Гарик и еще один довольно накачанный высокий мэн, который ехал с ними в машине.

– О, парня развезло с непривычки! – покачал головой накачанный мэн.

– Да, что-то мы не подрастчитали, – вздохнул Гарик.

– Что ты имеешь в виду?

– Да мы хотели ему язык развязать. А тут он вообще выключился. Не поговоришь, – сказал Гарик и на всякий случай позвал: – Эй, капитан, слышишь меня?

Капитан Рожкин довольно профессионально изобразил неразборчивое пьяное ворчание.

– Ну вот, видишь, лейтенант Зантария... Теперь, пока не проспится, он нам без пользы, – сказал Гарик и спросил у мэна: – Ты, когда у этой девицы был, на Красной, покормил хоть ее?

– Обижаешь! Конечно, покормил. Каша гречка, и воды – батарея бутылок. Меня Влад сменил. Там все надежно.

– Завтра надо будет с ней попробовать побеседовать... Или, может, не терять времени и, пока здесь этот московский гость приходит в себя, сейчас к ней смотаться и побеседовать?

– А шашлык? – спросил лейтенант Зантария.

– Оставишь мне, – сказал Гарик. – А то тревожно мне. Как бы эта ваша девица не сбежала.

– От кого?! У Влада сбежать? Нереально, – покачал головой лейтенант Зантария.

– Может, она у тебя или у Влада что-нибудь спрашивала, чем-то интересовалась? – продолжал Гарик.

– Ну, спросила, где можно купить «Моя Московская».

– А вы что?

– Да, говорю, в магазине.

– А она?

– А она спрашивает: «А где ее производят, не знаете?»

– А вы?

– А мы сказали, что раз Московская, то в Москве.

– Хорошо. А что еще?

– Да ничего. Поела, попила и спать на свою дерюжку улеглась.

– Ладно, поеду я все-таки, – сказал Гарик. – А ты с этого, на лавочке, глаз не спускай!

Когда Гарик ушел по направлению к гаражу, очевидно, заводить машину, позвали есть шашлыки.

– Где там наш московский гость? – спросил кто-то из темноты.

– Да перепил он, спит здесь на лавочке! – крикнул лейтенант Зантария.

– Ну так ты хоть сам иди шашлычка поешь!

– Иду! – крикнул лейтенант Зантария и, еще раз оценивающе взглянув на московского гостя, поспешил к мангалу.

Как только он отошел, капитан Рожкин короткими перебежками направился к гаражу, откуда доносился гул заведенной машины. Как только джип тронулся с места, он заскочил в гараж и, оценив имеющийся там транспорт, выбрал себе мотоцикл. «Харлей» был почти новенький. Но самое главное, ключ зажигания был на месте и на ручке болтался шлем, который прекрасно скроет его лицо.

Через несколько минут после того, как Гарик выехал из ворот, вслед за ним рванул и капитан Рожкин. Веселая компания, занятая шашлыками, этого, похоже, не заметила.

На мотоцикле капитан Рожкин начал гонять лет с четырнадцати. Когда он приезжал на лето к бабушке в деревню, обычно утром, когда дед уходил в лес по грибы или ехал с другом на рыбалку, капитан Рожкин вытягивал из гаража его старенького, но все еще на ходу стального скакуна и, пока деда не было дома, выбравшись задворками, чтобы не заметили соседи

из деревни, седлал его и нарезал круги возле леса, за полем. Когда подрос, начал выводить машину и по вечерам, чтобы на танцы сгонять в соседнее село или девчонок покатать.

Конечно, деду докладывали о проделках внука. Но он делал вид, что ничего об этом не знает. А на восемнадцатилетие, которое Рожкин отмечал в конце лета в деревне, дед вдруг торжественно вывел из гаража свою двухколесную машину и, позвав внука, объявил:

– Ну вот, Васек, много лет служил мне мой гнедой верой и правдой. Пусть теперь тебе послужит. Береги его, люби, смотри его. И тебе он будет служить верой и правдой.

Это обозначало, что теперь Васек мог забрать машину в город и гонять по дворам на зависть всем мальчишкам.

Потом капитан Рожкин купил себе современный мотоцикл. А дедушкиного скакуна отвез назад в деревню.

Капитан Рожкин раньше бывал в этих краях и сразу понял, что Гарик ехал в сторону Сочи. Правда, самого города было не узнать. Он превратился в какую-то большую стройку. И, преследуя джип, капитану Рожкину на «харлее» пришлось изрядно попетлять вдоль ограждений, за которыми и день, и вечер, и ночь велось строительство. Капитан Рожкин еще не придумал, как именно лучше себя вести. И решил действовать по обстоятельствам.

Глава 6

Ангелина Сойкина ловила себя на том, что утратила счет времени. Сколько она сидит здесь, в подвале полуразрушенного дома, одной рукой накрепко прикованная к железной трубе, сказать было сложно. Все, что у нее было, – это постеленные на бетонный пол маты, две бутылки минералки и ведро вместо отхожего места. Где-то высоко над ней находилось небольшое окошко. Но его зачем-то закрыли картонкой, а по свету, который пробивался сквозь щели, было трудно сказать, то ли это дневное солнце, то ли вечерний фонарь.

На руке был наручник, второе кольцо которого человек, приведший ее сюда, надел на железную трубу. Но, поскольку кольцо было гораздо шире трубы, оно легко ходило вверх-вниз, и благодаря этому Ангелина могла садиться, вставать и даже делать несколько шагов.

Но сейчас Ангелине ходить не хотелось. Она сидела на матах поджав ноги и пыталась найти выход из сложившейся ситуации, которая из драматической перерастала в трагическую.

Еще сутки назад или чуть больше (без часов и мобильного ей было сложно сказать) она садилась в самолет, чтобы лететь в Адлер. Назавтра следом за ней должен был вылететь Борис Рублев, вместе с которым они должны были расследовать, где в Сочи производится паленая водка, которой успели отравиться уже несколько человек в Москве.

Уже на посадке Ангелина обратила внимание на девушек высоченного, под два метра, роста, похоже баскетболисток, которые, судя по их разговорам, тоже направлялись в Адлер, а оттуда в Сочи. И вдруг перед самым отлетом мужчина довольно подозрительной наружности передал одной из девушек огромную зеленую сумку.

Ангелина слышала и читала о подобных вариантах переправки запрещенных грузов. Но, поскольку теперь все вещи просвечивали, обнюхивали собаки, изучали подробнее не придумаешь, прошедшая через все проверки зеленая сумка делалась вне подозрения. Ни оружия, ни наркотиков там не было. Предположить, что тот явно подозрительный тип передал пирожки бабушке, тоже не приходилось. Значит, там было что-то не совсем дозволенное. А поскольку Ангелина летела в Сочи с определенной целью, она нафантазировала себе, что в этой сумке может быть что-то связанное с производством паленой водки.

В полете Ангелина поменялась местами так, чтобы сидеть поближе к баскетболистке, которой передали зеленую сумку, и слышать разговоры, которая она ведет. Девушка, которую, как вскоре поняла Ангелина, звали Полина, оказалась достаточно болтливой, и уже через несколько минут после взлета она как ни в чем не бывало рассказывала своей соседке Зое о своем неожиданном довольно приличном заработке.

– Прикинь, в аэропорту подошел какой-то чувак и говорит: «Вы командой летите, багажа у вас немного. Закинь в Адлер сумку. Для мамы теплые вещи на зиму. К тебе брат мой подойдет, сумку заберет». Я говорю: «Хорошо. Если в тех вещах наркотиков нет». Он мне: «Какие наркотики!» А потом: «Я тебе здесь пятьдесят долларов даю. А в Адлере брат тебе даст еще сто».

– Клево! Но там точно что-то сомнительное. Такие деньги за теплые вещи... – с сомнением проговорила Зоя.

– Я тоже засомневалась. Специально сумку потом открыла. Заглянула. А там, прикинь, какое-то старое одеяло. И все.

Ангелина была несколько разочарована. Но в аэропорту все-таки подошла поближе к баскетболистке с зеленой сумкой.

Та выглядела абсолютно растерянной.

– Прикинь, Зоя, – говорила она своей подруге, – вроде встретить кто-то должен был. А никто не встречает. Куда мне теперь с этой сумкой?

Ангелина оглянулась. Как ей показалось, за баскетболистками наблюдали несколько человек в штатском. И это довольно сильно бросалось в глаза. «На месте этого «брата» я бы ни за что не стала рисковать...» – подумала про себя Ангелина. Ей надо было ехать в отель, и следить за баскетболистками в ее планы не входило.

Но, как говорится, за спрос не бьют в нос, и Ангелина, достав свое журналистское удостоверение, подошла к автобусу, в который садились баскетболистки.

– Простите, – сказала она. – Я корреспондентка одной из московских газет, вы не могли бы меня подбросить до Сочи. Я заплачу.

– Такой красивая девушка! Разве можно тебе отказать! – проговорил шофер.

Ангелина взобралась, сразу подала ему деньги и стала приглядываться, где бы можно устроиться сесть.

Место оказалось как раз перед Полиной и Зоей, которые и здесь сидели рядом.

– Ну, блин! Во попалась! Теперь таскайся с этой сумкой! – раздраженно сказала Полина.

– Может, надо было ее в аэропорту оставить? – спросила Зоя.

– Кому?

– А так как он тебя найдет?

– Надо будет – найдет! – махнула рукой Полина.

Как оказалось, отель, где остановились баскетболистки, располагался в очень удобном месте. И места там были недорогими. Ангелина решила, что можно остановиться и в нем. Пока она оформляла документы, баскетболистки балагурили. И одна из них высказала весьма оригинальную идею, что их специально заселяют в только отстроенные к Олимпиаде апартаменты, чтобы они проверили качество мебели.

– Если нам кровати будут впору, не проломятся, то после нас и хоккеистов с клюшками на них класть можно, и лыжников с лыжами, – съязвила Зоя.

– Да зимники все легкие, – пожалала плечами Полина. – Большую экономию на мебели сделать можно.

– А если кровати нас не выдержат, проломятся? – спросила Зоя.

– Будешь уплывать неустойку! – сказала Полина.

– Так что ты с сумкой делать собираешься? – спросила Зоя.

– Пусть постоит. Отлетать будем – оставлю в гостинице, – сказала Полина.

Поскольку отель оказался недорогим и вполне пристойным, Ангелина попросила администратора забронировать одноместный номер и для Бориса Рублева.

Устроившись и приняв душ, Ангелина вышла в коридор и увидела, как по нему к лестнице стремительным шагом идет баскетболистка Полина с той самой огромной спортивной сумкой. Она спустилась вниз и, оглянувшись, подошла к темно-вишневой «ауди», куда ее в буквальном смысле просто затащили. Ангелина тут же сфотографировала и «ауди», и крупно ее номер. Но, к своему удивлению, Ангелина увидела, что машина никуда не едет. А Полина вышла из нее минут через десять веселая, можно даже сказать, радостная, но без сумки.

Как только вишневая «ауди» рванула с места, Ангелина подбежала к такси и попросила:

– Скорее, вон за той вишневой «ауди», я заплачу, сколько скажете!

– Дайте сто долларов, я ее вам вмиг догоню.

Ангелина тут же подала ему деньги. А таксист, похоже, и не собирался садиться в машину.

– Что такое?! – возмутилась Ангелина. – Вам что, может, мало?!

– Да нет, просто ваша «ауди» вернулась.

– Как «вернулась»?! – не сразу поняла Ангелина. А когда посмотрела туда, куда кивнул головой таксист, увидела, что «ауди» действительно возвратилась и из нее выскочили трое местных. Один, с усами, в милицейской форме, и нес ту самую огромную зеленую спортивную сумку.

Как только эти трое вошли в отель, Ангелина пошла за ними следом и не обратила внимания на то, что таксист тут же стал кому-то перезванивать.

Когда Ангелина вошла в холл, стражи порядка уже беседовали, если можно назвать их крики беседой, с баскетболисткой Полиной.

– Где то, что должно быть в сумке?! – кричал черноусый.

– Мне передали в аэропорту, я привезла. Мужчина, который передавал мне сумку в Москве, сказал, что там должны быть теплые вещи для мамы.

– Это ты называешь теплые вещи для мамы?! – кричал черноусый, вытягивая из сумки старое порванное одеяло.

Ангелина отошла чуть в сторону и спряталась за колонну.

И не заметила, как сзади к ней подошел один из вишневой «ауди»:

– И что мы тут так интересуемся? – спросил он, окинув Ангелину оценивающим взглядом.

Ангелина обернулась и увидела, как шофер такси, которого она просила следовать за вишневой «ауди», о чем-то беседует с черноусым милиционером. Тот махнул рукой баскетболистке Полине и направился к Ангелине.

– Проходите к вам в номер! – строго сказал он.

– А в чем, собственно, дело?! – напряженно спросила Ангелина.

– В номере объясню, – сказал черноусый милиционер, и в его голосе почувствовалась сталь.

Они поднялись, Ангелина отперла дверь и почувствовала лишь укол, который кто-то сделал ей в руку. Когда к ней вернулось сознание, она, приоткрыв глаза, поняла, что на руках у нее наручники, а местные стражи порядка в штатском перевернули ее номер вверх дном. Что и зачем они искали, непонятно. Мобильник тоже был вытряхнут из сумки и теперь валялся возле нее на полу. Но чтобы дотянуться до него, она должна была пошевелиться, а значит, обозначить свое сознание. А она прежде хотела разобраться, что к чему.

– И куда ее? – сказал один.

– Шеф сказал на Красную, пять, в заброшенные склады, – проговорил второй. – Пусть посидит, пока разберемся, что к чему и чего она нос сует не в свои дела. Она явно приехала сюда не одна. В Москве большой кипеж начинается.

– Но в телефоне пусто, – сказал первый.

Ангелина порадовалась, что еще в самолете не поленилась и стерла все номера из записной книжки. Хотя номер Бориса Рублева, который должен к ней прилететь, она туда и не записывала. Ради безопасности.

Вспомнив о Рублеве, которому она успела позвонить и потом стереть номер, Ангелина представила, как он придет в этот отель и, не найдя ее, обязательно проникнет к ней в номер. А значит, был смысл оставить для него информацию. И она, найдя острый угол, резанула по ладони, а потом поставила на зеркале красное пятно, запятую и отпечаток ладони с пятью пальцами. Делала она это очень тихо, наблюдая из-под прикрытых ресниц за тем, как стражи порядка перетряхивали ее одежду и постель.

Когда один из мужчин, орудовавших у нее в номере, подошел к ней, Ангелина сделала вид, что еще не пришла в себя.

– Ладно, разбудите ее и потащили! – сказал черноусый. – Чтобы думали, она пьяная. А там наручником к штырю привинтите, и пусть сидит. Кто-то же придет ее спасать!

– Может, допросить ее как следует? Что она за журналистка такая... – предложил кто-то из мужчин.

– Мне посоветоваться нужно, – остановил самого ретивого черноусый, голос которого Ангелина уже узнавала. – Пусть посидит подумает.

– Там условия гадкие, – сказал кто-то, – может, лучше на дачу ее куда.

– Ты еще скажи – в санаторий! – зло ответил черноусый. – Надо, чтобы, во-первых, она сказала, кто и зачем ее сюда послал. И во-вторых, чтобы ее спасать бросились. А потом пусть бы и спасли. Нам главное знать, кто к нам сюда прибыл из Москвы за руку нас ловить. А мы их той самой рукой за нос возьмем и водить будем.

После этого черноусый наклонился к Ангелине, потряс ее за плечо и проговорил:

– Красавица, поднимайся! Поехали!

Ангелина, чтобы не рассекретиться, даже не стала ничего отвечать.

– Берите ее, поволокли! – крикнул черноусый.

После этого Ангелина почувствовала, как двое мужчин подхватили ее и действительно поволокли. Она сама едва переставляла ноги.

Везли ее на такси. Как поняла Ангелина, именно таксист и сдал ее местным мафиози.

Ее втащили в ворота какой-то стройки. Потом отперли ведущую куда-то вниз, в подвал, железную дверь и вбросили в мерзкий ангар, где она сидела неизвестно сколько времени.

Несколько раз заходил высокий, широкоплечий, но абсолютно молчаливый, казалось, даже немой парень. Он приносил воду и еду – гречневую кашу с тушенкой. Ангелина сначала собиралась объявить голодовку. Но потом поняла, что для того, чтобы выбраться отсюда, обязательно нужно иметь ясный ум. Поэтому, когда приносили, ела и пила.

Но время шло. И она никак не могла вести счет времени, потому что даже солнце сюда не попадало.

Анализируя то, что произошло, Ангелина точно знала одно – она абсолютно случайно попала в самое сердце местной мафиозной структуры. И теперь ее живой отсюда не выпустят. Если только не завербуют в качестве своего агента. И она уже прикидывала, как будет играть ва-банк. Но сначала, как она поняла, местные мафиози очень хотят выяснить, с кем она связана в Москве. И вполне могут использовать ее в качестве наживки.

Пока в задумчивости Ангелина прикидывала, каким образом растянуть подольше свое существование, дверь скрипнула, и вошел высокий, широкоплечий, чернобородый мужчина. Пока он входил, Ангелина успела заметить, что на улице еще светит солнце, но оно находилось довольно низко к горизонту, поэтому было или утро, или вечер. Ангелине казалось, что на улице, скорее всего, вечер.

– Ну что, красавица, есть-пить будем?

– А сейчас утро или вечер? А то я после шести не ем! – сказала Ангелина, решив сыграть роль суперзабоченной своей внешностью избалованной москвички.

– Вечер, – сказал бородач и добавил: – Но шести еще нет. До шести еще полчаса. Как раз покушать успеешь.

Ее расчет был верным, и она теперь точно знала, сколько сейчас времени. А то вчера, сколько ни просила сказать время, охранник только скалил зубы и усмехался:

– Нет у тебя ни места, ни времени.

Ангелина взяла жестяную миску с еще горячей гречневой кашей с тушенкой и кружку горячего чая, поставила все на ящик и начала есть.

Было бы неплохо узнать, сколько дней она здесь находится. И тут ее осенило.

– Ой, не помню, а вчера ты мне тоже такую кашу приносил?

– Приносил, но ты не ела.

– А позавчера?

– А позавчера, дорогуша, тебя твой хахаль кормил где-нибудь в ресторане.

– Да, точно, вспомнила, – кивнула Ангелина, наконец разобравшись хотя бы в том, сколько времени и какой день недели.

Пока Ангелина допивала чай, охранник вынес ведро.

– Сколько вы меня держать собираетесь? – спросила Ангелина. – Если долго, можно было бы хотя бы биотуалетом обзавестись. И понять не могу, зачем меня на цепи держать? Отсюда же, как я успела убедиться, шиш убежишь. Ни окон, ни дверей.

– Про это вы с шефом нашим базарьте!

– А кто ваш шеф?

– Увидите, – неопределенно сказал чернобородый.

– А что, он сам ко мне пожалует или меня к нему повезут? – уточнила Ангелина.

– Да сам приедет. Может, и сегодня.

– Уже ведь вечер.

– Ну и что? – хмыкнул охранник. – Ты теперь его собственность. Когда хочет, тогда пользует.

– То есть?! – возмутилась Ангелина. – А как же права человека?

– Ладно, боевая! Отдыхай пока.

С этими словами он забрал пустую тарелку и кружку из-под чая и ушел. И опять Ангелина успела увидеть, что на улице уже почти совсем стемнело. В подвале, где она находилась, все время горела одна тусклая лампа почти под самым потолком.

Ангелина присела на маты-матрасы и задумалась. Ведь действительно сейчас она абсолютно беззащитна. Куда и зачем она рванула, знает только Борис Рублев, и получалось, он уже должен прилететь. Оставалось надеяться, что он обратит внимание и расшифрует ее надпись в отеле и найдет ее здесь. Ангелина настолько поверила в то, что именно сегодня ей нужно ждать освобождения, что решила не спать, чтобы не пропустить момент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.